

Вера Чиркова

Доказательство любви

«АЛЬФА-КНИГА»

2017

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Чиркова В. А.

Доказательство любви / В. А. Чиркова — «АЛЬФА-КНИГА»,
2017

ISBN 978-5-9922-2610-2

Как замечательно быть юной, хорошенькой, златовласой и синеглазой принцессой! Объяснения в любви и предложения руки, сердца и обручального браслета так и сыплются со всех сторон, даже голова кругом идет. Вот только одно очень важное обстоятельство не дает сполна насладиться серенадами, букетами и признаниями – необходимость выбора. И не внешности или мужественной фигуры воздыхателя, не титула, дворца или сокровищницы. Принцесса мечтает отыскать того, кто полюбит ее по-настоящему, не за звание, не за приданое и даже не за миленькое личико. А это весьма и весьма непростая задача.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2610-2

© Чиркова В. А., 2017
© АЛЬФА-КНИГА, 2017

Вера Чиркова

Доказательство любви

– Радость моя... – Едва слышный нежный шепот запутался в золотых девичьих локонах.
– Ничего подобного, я своя собственная, – так же тихо, но свирепо прошипело в ответ.
– К этому и веду, – поглядывая на стайку гуляющих поблизости от веранды прелестнейших созданий, вздохнул кареглазый брюнет и с досадой поинтересовался: – Долго ты еще думать намерена? Ведь мы знакомы уже почти два года! Хочешь, чтобы я ласково называл тебя тугодумкой?!

– Неправильное определение. Не тугодумкой, а благоразумной и серьезной девушкой. – Синие глаза застыли зимним льдом.

– Это отличные качества, не спорю... но мы говорим о чувствах.

– А в этом вопросе девушки должны быть рассудительнее вдесятеро, иначе им прямая дорога в монастырь Святой матери или еще куда похуже.

– Но я же не собираюсь тебя соблазнять! – не забывая держать защиту от подслушивания, оскорбился затянутый в строгий черный костюм молодой мужчина. – Я жениться намерен! И готов просить твоей руки у твоего батюшки!

– М-да?! Не соблазняешь? Тогда чем занята твоя левая рука на моей правой коленке?! – ядовито прошипело в ответ.

– Значит, ты все-таки заметила! А я уж начал думать, будто глажу статую!

– Зря ты так думал. Статуя за подобную наглость не стала бы поливать твой любимый шар чесночным соусом.

– Темная сила, да что же ты творишь, милая! Ну разве с ним так можно?! Он ведь мне теперь целых три дня будет показывать только чесночные грядки охотников за оборотнями! – Брюнет рванулся спасать шар и тотчас же замер, услышав характерный треск. – Ой! Темная сила... как ты умудрилась оторвать мне рукав?! Нет, я хотел спросить, а зачем ты вообще меня за него дергала?! Нужно было просто позвать...

– Вот еще, нужно мне было тебя дергать! И тем более звать! Просто чесночный соус кончился, и я пришила твой камзол к дивану.

– Да ты просто хулиганка! – возмущенно расширились карие глаза.

– Зато ты – лгун и развратник! А на что ты, собственно, надеялся, когда хватал меня за коленку?! Мечтал, чтобы я при всех сестрах и фрейлинах начала отвечать тебе пощечины?! Не дожدهшься! Я принцесса! – Синие очи сузились от гнева.

– Можно подумать, я этого не знаю! Но иногда думаю, что об этом забывает кто-то другой! В общем, так! Завтра я иду к твоему отцу и прошу твоей руки!

– В общем, так! Если ты немедленно не откажешься от этого намерения, я pošлю всем придворным дамам и фрейлинам матушки любовные записки от твоего имени. И тогда мой папа не отдаст тебе меня даже за все сокровища мира.

– Посмотрим, – угрожающе рыкнул мужчина, стремглав покидая веранду, на которой принцессы пили утреннее какао.

– Увидим, – задумчиво прошептал в ответ нежный голосок.

* * *

Банда молча сидела у костра и бдительно-выжидаяще следила за действиями своей предводительницы. Далеко не первый час уже следила, но высказывать недовольство никто не порывался.

А та, высыпав на одеяло кучу трофеев, прилежно раскладывала их на тринадцать частей, стараясь, чтобы ни одна кучка не была более привлекательной, чем другие. Иногда бандерше это удавалось, но не сегодня. Две вещи были настолько лучше всего остального, что ясно было заранее – без драки не обойдется.

Причем, что обидно, драться будут вовсе не за те драгоценности, которые лежат на своих местах в сиротливом одиночестве, а за остальные одиннадцать кучек. Потому как ни продать, ни обменять на что-нибудь полезное эти баснословно дорогие раритеты не удастся даже у самого захудалого трактирщика.

Атаманша тяжело вздохнула и поменяла в меньших кучках местами два усыпанных камнями браслета, проклиная завещанный ей еще матушкой незыблемый старинный закон банды, по которому вся добыча делилась поровну немедленно после налета.

– Ты неправильно делишь, – безапелляционно и доброжелательно заявил мужской голос, и вся банда как по команде схватилась за рукояти ножей и кинжалов.

Потом так же синхронно двенадцать с половиной пар глаз повернулись в ту сторону, откуда донесся голос наглеца, посмевавшего отвлекать атаманшу в самый важный момент ее жизни, и тринадцать рук расслабленно соскользнули с оружия.

Кого-кого, а откровенных дур, готовых напасть на этого гостя, среди них никогда не было.

– Почему? – уныло произнесла бандерша, заранее зная, что ответ этого критика ей не понравится.

– Потому что вон те две вещицы ты положишь сейчас на тряпицу, аккуратно завернешь и спрячешь в мешок. Это будет четырнадцатая доля.

– Чья? – начиная понимать, что зря задавала этот вопрос, неуступчиво рыкнула атаманша.

Но гроза она всех окрестных дорог или не гроза, в конце-то концов?

– Да чья угодно, – ехидно сообщил незванный гость. – Кто первый пожелает, тот и заберет. Ну а если никто не пожелает, так и быть, возьму я, не пропадать же добру.

– Кто желает эту кучку? – сложив раритеты в мешок, с надеждой осмотрела соратниц атаманша. – Ну, налетай!

Налетать никто не спешил. Все состроили такие кислые рожи, словно им овечьего гороха мешок предлагали, а не раритеты стоимостью в город. Или даже поболее... чего уж мелочиться.

– Себе возьми, – посоветовала самая смелая и нервно поправила ножны.

– Тебе больше всех подходит, – поддакнула самая льстивая.

– И хранить тебе есть где, – заметила самая практичная и одновременно завистливая.

– Мне не нужно, – мгновенно озверела атаманша. – Но я одно хочу понять, если эта... – она многозначительно побряхтела, – никому не нужна, то за каким... вы ее брали?!

– Так красивые же, – мечтательно закатила глазки самая романтическая.

– И весомые, – вздохнула практичная.

– И вообще, – насупилась самая сообразительная, – ты же сама кричала – собираем все!

– В общем, подайте мне мой мешок, – весело ухмыляясь, сказал гость, – и делите свою добычу дальше.

– Но это нечестно! – засомневалась самая справедливая. – Ты ничего не делал, а получишь равную долю!

– Неправильно ты сказала, – голос прищельца сразу стал холоднее воды из горной речки, – я сделал очень важную работу. Как бы не важнее, чем кто-то из вас!

– Какую?! – Двенадцать с половиной пар глаз уставились на гостя с горячей любознательностью.

– А самим догадаться слабо? – крепко привязывая мешок к поясу, едко осведомился гость.

– Ага, – помолчав, шмыгнула носом самая честная.

– Я уберег вас от неизбежной драки, и сегодня вы сядете обмывать удачную вылазку целыми, здоровыми, красивыми, а также празднично одетыми и причесанными.

– А почему красивыми и причесанными? – не поняла самая несообразительная.

– Потому что рота элитных егерей уже окружила ваше ущелье и перекрыла все выходы. И если неумытых и нечесаных вас будут просто связывать и пороть, то нарядным и красивым вполне может достаться немного ласки, – равнодушно фыркнул гость и повернул камень в амулете переноса.

* * *

– Что там написано?

– «Меняю королевскую корону и королевский фамильный амулет на принцессу», – побелев как снег, сдавленно пролепетал главный советник, страдальчески разглядывая скромный листок простой бумаги, который держал перед своим носом.

– Но это... – ахнула королева и упала в обморок.

Прямо в руки молоденького пажа.

– Унеси ее, – поморщился король, – подальше. Не место тут нервным бабам.

Его величество любил ввернуть при случае в разговор простонародные словечки. Советники обещали, что народ за это полюбит и его самого, и его реформы.

Паж радостно потащил куда-то королеву, и его величество приступил к выяснению деталей. Он вообще был дотошным в делах человеком.

– Что они говорят?

– Кто, принцессы?

– Нет! Бандитки.

– Ничего не говорят, – скорбно поджал губы советник, надеясь, что не придется уточнять, что вместе с бандой Кривой Ханы не может сказать ни слова и рота элитных егерей.

И еще сутки не сможет самое малое, судя по ядовитому запаху перегара и количеству пустых бочонков из-под коварного гномьего самогона.

– А пытаться пробовали?

– Все лежат без сознания, – сообщил советник истинную правду.

– А принцессы?

– Пакуют сундуки.

– Так вот почему в саду так тихо! – проявил необычайную догадливость его величество. – И кто именно пакует?

– Почти все.

– Почему все-то?!

– Надеются.

– На что? – не понял король.

– Что он расщедрится и возьмет не одну принцессу, а три или хотя бы две.

– А имя принцессы он написал? – осторожно приступил его величество к выяснению самого важного вопроса.

– Да, – сурово кивнул советник.

– Надеюсь... это не наследница Анриетта?

– Нет.

– Уф... – Король вытер шелковым платком лоб и капризно отбросил его в сторону. – Сколько раз говорить, не кладите мне в карманы шелков!

Помолчал и опасливо покосился на листок, читать который самостоятельно отказался категорически.

– Так что, ему нужна Бенлиетта?

- Нет.
- Варолетта?
- Нет.
- Генриетта?! – возмутился его величество. – Но она же просватана!
- Нет, и не Генриетта.
- Уж не хочешь ли ты сказать...
- Не хочу.
- Говори.
- Не могу.
- Я приказываю.
- Он требует Дарелетту.
- Дарочку? Но она же еще маленькая!
- Всего девятнадцатый пошел, – печально поддакнул советник.
- Как бежит время, – задумался король.
- Золотые слова.
- Запишите в летописях.
- Уже записаны. Четыреста двенадцать раз.
- Ну хорошо, не пиши. И она пакует сундук?
- Нет, вот она не пакует.
- Почему? Не хочет?!
- Неизвестно. Ее высочество получила новую книжку и заперлась в башне, чтоб не мешали читать.
- А постучать?
- Сказала, узнает, кто стучал, – прикажет посадить без штанов в крапиву.
- Фу, как невоспитанно, – нахмурился его величество. – Идите и стучите.
- Простите, ваше величество, мне это не по чину.
- Пошлите слуг.
- Никто не пойдет, говорят, крапива у нее возле башни зело злая.
- Так ведь она же не узнает, кто стучал!
- Наоборот. Узнает немедля и сразу прикажет наказать.
- Да откуда? – заинтересовался король.
- Так ведь все следят. Дарелетта тому, кто первый доложит, серебряный дает.
- Я сам пойду. – Король сделал попытку слезть с трона, но советник сделал загадочное лицо:
- Могу предложить лучшее решение.
- Предлагай.
- Просто напишите ему, что согласны. Он тут, внизу, приписал, что этого достаточно, вашему слову он верит.
- Какой благородный человек, – подумав, одобрительно кивнул король. – Подай перо. Где подписывать? Тут? Готово. Кстати, когда будем судить банду?
- А банды больше нет, – развел руками советник. – Распалась.
- Ну а бандитки-то есть?
- И бандиток нет.
- Но ты же сказал, что лежат без сознания!
- Лежат, – подтвердил советник. – Но они больше не бандитки. Капитан элитных егерей подписал приказ о зачислении их в его роту маркитантками. А судить маркитанток нельзя по закону.
- Вот как, – подумав еще немного, глубокомысленно изрек король. – А тебе не кажется, что капитан егерей поторопился?

– Мне трудно судить, – уклончиво сообщил советник, – но могу предположить, что у женщин были очень весомые доводы, чтоб склонить его к такому решению.

Говорить королю о том, что капитан до сих пор спит, придавленный двумя парами этих очень весомых доводов, советник тоже не собирался. Зачем его лишний раз расстраивать?

– Кушать подано, – прозвенело под сводами зала, и король мгновенно сполз с подложенной на трон подушечки, тотчас забыв про все неурядицы и тревоги.

Личный королевский лекарь утверждал, что еда только тогда приносит пользу организму, когда от нее не отвлекают никакие неприятные мысли, и его величество в это свято верил.

* * *

– Ха-ха-ха! – раздался из-под балдахина залиvistый смех, и нахальная мышка, намеревавшаяся стащить с подноса несколько крошек от пирожного, стремительно юркнула в норку.

А вот стоявший в самом темном углу комнаты незванный гость никуда бежать не собирался.

Легонько подул на собственную ладонь, с ехидной насмешкой проследил, как уронила на грудь голову златовласая девушка, закутанная в одеяло, и уверенно вышел из тени.

Небрежно бросил на придвинутый к кровати стол глухо звякнувший потертый мешок и довольно скривил красивые губы, отметив, как точно попал. Как раз между пустой чашкой со следами шоколада на стенках и подносом с последним подсохшим пирожным.

И вообще все шло точно так, как и было задумано.

Он решительно шагнул к кровати, забрал выпавшую из ослабевших рук книжку, не глядя сунул ее в широкий карман и подхватил заснувшую девушку вместе с одеялом.

А затем привычно крутнул порталный амулет.

И через мгновение стоял посреди другой комнаты, ни в чем не похожей на прежнюю.

Та спальня располагалась на самом верху высокой башни, эта – в одноэтажном павильоне.

Там напротив закопченного камина стояла высокая кровать со столбиками и балдахином, тут – низкое, заваленное подушками ложе. Напротив ложа был не очаг, а ступени в выложенный белым мрамором бассейн с непрерывно журчащей из серебряного лотка струйкой теплой ароматной воды.

Там было одно узкое зарешеченное окно, здесь – широкая дуга из двенадцати стеклянных дверей, открывающих вид на просторные и низкие мраморные ступени, ведущие прямо в сад.

Одно было похоже – прильнувший к кровати столик, но на этом были красиво расставлены вазы с фруктами и свежими пирожными, графин с лимонадом, серебряный кувшинчик со сливками и чашка с горячим шоколадом.

Похититель твердым шагом прошел к кровати, сгрузил на нее свою пленницу и уселся в стоящее неподалеку кресло.

И лишь после этого легонько дунул на ладонь.

– А-ах, – зевнула девушка, тряхнула головой и зашарила вокруг себя рукой, ища книжку. – Тьма. Да где же...

И только тут до нее начало доходить, где она находится. Как выяснилось, больше не в своей постели и даже не в своей башне. Ровно минуту, подозрительно щурясь, принцесса оглядывала двери, занавеси, люстры, бассейн, стол и прочую мебель, старательно избегая взглядом сидящего в кресле напротив мужчину, потом презрительно скривила губы и фыркнула:

– Магия! Так и любой дурак смог бы.

– Ничуть не магия! – оскорбился маг. – А точный расчет и знание человеческих слабостей. Сначала нужно было пустить в нужном направлении слух, каким образом можно добраться до королевской сокровищницы. Потом немного пошуметь, чтобы бандиты второпях схватили корону и королевский амулет. Потом – уговорить их отдать все это мне. И, наконец,

правильно составить письмо, чтоб король без споров отдал тебя за свои раритеты. Так что теперь ты моя собственность... и я жду обещанный поцелуй.

– Напрасно ждешь, – категорично заявила принцесса, вставая с постели.

На ней была очаровательная пижамка, розовая и кружевная. Лишь атласный подклад, расположенный в самых интересных местах, не позволял рассмотреть точеную фигурку во всех подробностях. Зато давал большой простор воображению.

– Почему? – обиделся он, невольно сглатывая слюнки.

– Потому что я теперь – рабыня! – гордо задрала носик девушка. – А рабыни не целуют своих хозяев по своей воле. Они против них борются и поднимают восстания.

– И среди кого ты будешь поднимать восстание? – усомнился маг. – Если у меня нет больше ни одного раба и ни одного слуги?

– Найду, – уверенно пообещала она. – Главное, найти достойную цель, а желающие бастовать всегда обнаружатся.

– Возможно, – ее новый хозяин хитро ухмыльнулся, – но не забывай – мое имение находится в двух днях пути от столицы вашего королевства, посреди проклятой пустоши.

– А я этого никогда не забывала с тех пор, как ты хвастался, что специально дал такое страшное название самому прекрасному уголку королевства, чтобы никто не портил тебе виды с балкона.

– Согласен, – мрачно процедил маг, – я был самонадеянным болваном, когда поверил твоему обещанию сбежать со мной, если я докажу, что живу не в окружении монстров и чудовищ.

– Не согласна, – скривила губки принцесса, – это называется не болван, а простофиля. Но не имеет к делу никакого отношения. И вообще, я намерена бороться против твоего произвола и насилия.

– Зато теперь я не согласен! – начал сатанеть он. – Какой еще произвол? Ты уверяла, будто папенька не отдаст мне тебя даже за самый драгоценный раритет! И дала слово, если такое произойдет, поцеловать меня первой и беспрекословно выйти замуж!

– Я в нем ошиблась, – кротко заявила Дарелетта. – Его величество оказался слабее, чем я привыкла считать с детства. И теперь у меня траур... по собственным иллюзиям. Кстати, а книжку мою ты захватил? И где в этой беседке дамская комната?!

– Дверь в умывальню сразу за кроватью, возле белого столика, а книжку ты не получишь, пока не исполнишь обещание, – холодно объявил маг, поднимаясь с кресла. – Как захочешь меня видеть, дерни шнурок вон того звонка.

И скорее догадался, чем увидел, как она тут же схватилась за этот шнур.

– Ну, чего тебе? – уставившись на Дарелетту, насмешливо осведомился маг. – Уже готова целовать?

– Готова. Но не целовать, а сообщить, что согласно законам нашего королевства издевательства над детьми и женщинами караются заключением в темницу.

– Ну, этот закон всегда казался мне несправедливым. По нему выходит, что над мужчинами можно издеваться сколько угодно, – разочарованно проворчал хозяин имения. – Но сейчас я хочу объяснений на другой вопрос. Где ты видишь издевательства?

– Тут, – уверенно ткнула принцесса пальцем в себя.

– Обоснуй, – снова опустился в кресло маг.

– Пожалуйста. – Она уселась поудобнее, подтянув колено к груди, и маг снова сглотнул слюнки. Тьма, ну до чего же аппетитная фигурка! – Так что мы имеем? Юную девушку, наивную и незащищенную, прожившую всю свою короткую жизнь в клетке, лицемерно задрапированной роскошью! И вот, едва бедняжка подошла к совершеннолетию, как ее, не видевшую не только ни одной чужой страны, но и всех городов своей и абсолютно не знакомую ни со светлыми, ни с темными сторонами жизни, собственные родители продают в рабство!

И кому? Личному придворному магу! Коварством и обманом провернувшему ради своих грязных помыслов хитроумную интригу с привлечением банды Кривой Ханы. Кстати, почему-то не пойманной много ранее этим самым магом, хотя это его прямая обязанность.

– Не отвлекайся, – решительно пресек эти измышления маг. – Мы говорили о несуществующих издевательствах.

– А разве это не издевательство?! – возмущенно вытаращила Дарелетта прелестные синие глаза. – Утащить несчастную девушку из родного дома и привычной обстановки, от любящих родителей и сестер! Да они там, наверное, от горя слезами изошли! Разве это не издевательство – заставлять девушку жестоко страдать при мысли об их скорби? Да еще и добить ее, отобрав последнее утешение, последнюю радость – недочитанную книгу! И ты еще смеешь называть эти издевательства несуществующими?!

– Ладно, я все понял, – безнадежно вздохнул маг, достал из кармана книгу и отлевитировал принцессе в руки. – Пока ты не дочитаешь, разговаривать с тобой серьезно невозможно.

– Вот зачем ты страницу закрыл? – расстроено листала она украшенные картинками листы. – Пока я теперь найду!

– Приду завтра, – сообщил мужчина и, получив в ответ рассеянный кивок, со вздохом крутнул амулет переноса.

После его ухода девушка несколько минут усиленно водила глазами по строчкам, словно знала, что за ней наблюдают через шар. Потом вскочила и вихрем помчалась в расположенную возле белого столика дверцу.

– Как она еще поест не забывает, – усмехнулся маг, накрыл шар серебряной крышкой и отправился по своим делам.

– Какой он все же негодяй, – взхлеб рыдала принцесса, яростно плеская в лицо воду. – А еще говорил, что любит! Разве это настоящая любовь?! Нет уж, теперь пусть сначала докажет!

* * *

– Ну, милая, посмотрим, как у тебя дела. – Маг открыл шар и залюбовался на раскинувшуюся на кровати фигурку.

Очень заманчиво, нужно признаться, лежащую. Хоть голова и прикрыта уголком одеяла, зато туго обтянутая розовой пижамкой часть девичьего тела, для которой маг никак не мог найти приличного названия, приоткрыта для всеобщего обозрения.

«Тьфу, какие глупости от такого зрелища в голову приходит!» – хмыкнул маг. Откуда тут быть кому-либо, кроме него?!

И, стало быть, доступно это зрелище тоже только ему одному.

Демонская сила, а если это неспроста?!

А вдруг она дочитала ночью свой дурацкий романчик и задумалась о нем, о Тоджере?! И, как всякая прилично воспитанная принцесса, теперь не желает в открытую признаться, как сильно была вчера не права, и потому дает ему такой красноречивый намек...

При мысли о том, на какие действия девушки могут намекать таким образом, во рту у мага пересохло, а в душе взорвался огненный шар. И не только в душе.

Дрожащими от нетерпения пальцами он выхватил амулет переноса и крутнул камень. Всячески кляня себя за то, что не догадался вернуться в свою долину вечером.

Глядишь, и пришла бы ему в голову здравая мысль проведать Дарочку перед сном...

От дальнейших предположений огненный шар в душе мага полыхнул с новой силой, но он уже стоял посреди павильона, привычно осматривая свои владения.

Возле шкафа куча разбросанной одежды, ну что тут поделать – принцесса!

И на столике беспорядок, хотя еды заметно поубавилось, видать, сильно проголодалась малышка! Совсем перестала нормально питаться с этими книжками!

Ну ничего, теперь он сам займется ее распорядком дня, питанием, здоровьем, воспитанием...

Здоровые мысли плавно угасали в голове мага по мере того, как он подходил к ее постели, зато появлялись очень яркие картинки действий, какими он займется в первую очередь...

Рука совершенно самовольно, забыв спросить разрешения у хозяина, потянулась к обтянутой розовым кружевом тугой округлости...

Маг даже глаза прикрыл и дыхание затаил, предвкушая это ни с чем не сравнимое ощущение живого упругого тепла под дерзкой ладонью...

Прикоснулся... подержал ладонь, придавил чуть сильнее...

И невольно задумался. Неужели Дарочке ночью было так холодно, что она решила натянуть под пижамку целый десяток теплых панталончиков, не менее?

Немного подумав, Тодгер тиснул запретное местечко чуть сильнее и, подозрительно нахмурившись, встревоженно распахнул глаза.

Что-то было не так, ну совершенно неправильно!

И тут вдруг до него дошло. Ну конечно! Она уже должна была все почувствовать, вскочить с постели и осыпать его хлесткими пощечинами, оскорбленными взглядами и гневными тирадами!

Да какие там, к тьме, пощечины! Это же не Анриэтта и не Бенлиетта! И даже не Генриетта!

Это Дарочка, а от нее нужно ждать вовсе не оплеух! Она сейчас должна уже ломать об его голову мебель или как минимум пытаться утопить наглого бесстыдника в бассейне!

Но раз она лежит и не убивает и не топит...

Сердце мага вмиг остановилось и упало в желудок, где все огненные шары уже успели обернуться в обжигающе ледяной ком. А в сознании, еще не успевшем постичь всю величину и необратимость постигшего его горя, как ошалевшие куры, заматались какие-то несущественные и ненужные ему мысли.

Тьма! Неужели она смогла решиться на самое страшное? Но почему? Точнее... за что? И откуда она достала яд... Или это был не яд?

Маг резко отдернул от розовой пижамки руку и инстинктивно отер о штаны. Бездыханное тело Дарочки – далеко не то же самое, что живая, смешливая и своенравная принцесса, и, кроме стремительно накатывающего отчаяния, не вызывало никаких чувств. Лишь мелькнула злая досада, что кто-то из коллег мог подсматривать за ним через шар и по-своему понять действия Тода.

Хотя у них королевство очень небольшое и, можно сказать, не слишком богатое, однако придворные маги всех соседних королей считают своим долгом за ним присматривать, так, на всякий случай.

Едва вспомнив про соседние государства, коллег и собственного короля, Тодгер помрачнел как грозовая туча. Как только станет известно, до чего он довел принцессу, позора и язвительных упреков не избежать. И ведь никому потом не докажешь, что вовсе не желал ее обидеть или унижить! Просто устал каждую ночь гоняться во сне за неуловимой, маняще прекрасной и бессердечной мечтой.

Ну вот чего ей не хватало? Любил, берег, все ее тайные мечты воплотил, когда создавал этот неприличный павильон, насквозь просматривающийся со всех сторон!

Минут пять маг тяжело вздыхал и припоминал все, что пришлось ради нее вытерпеть, пока не осознал очень четко, что специально тянет время, лишь бы не поднимать одеяло и не смотреть на то, что осталось от его безответной любви.

Еще минут пять он обвинял себя в неподобающей магу его уровня нерешительности и даже трусости, но тут же оправдывал тем, что такое действие требует особого настроения, недюжинной выдержки и стальной силы воли.

Сто раз тьма! Ну вот почему он так сглупил вчера вечером и не вернулся сюда?

Не выбросил к демонам дурацкую книжку, не напоил упрямую девчонку зельем сжигающей страсти?

Сейчас уже выбирал бы достойные мага браслеты и подглядывал, как она меряет кружевные корсеты под свадебное платье.

Как жаль, что даже маги не могут возвращаться назад, в прошлое!

Осознав, что тянет уже слишком долго, Тодгер горестно вздохнул и осторожно потянул одеяло.

Заранее состроив подходящее случаю скорбное выражение лица и крепко сжав губы, чтоб не опозорить гордое звание темного мага безысходным стоном.

Но опозорил-таки, да не один раз!

Нет, сначала, когда увидел отчетливо проступившие на спине под розовым кружевом пижамной курточки темные пятна, Тод еще держался.

И когда спина показалась ему слишком раздутой и комковатой, тоже терпел, не желая верить своим глазам.

Но когда рассмотрел сквозь проклятое кружево рукавчиков золотые цветочки и алые горошки – вот тогда уже не выдержал.

Он стонал, рычал и скрипел зубами, разрывая эту проклятую пижамку и вытаскивая из нее все тряпки, какие напихала туда зловредная хулиганка в стремлении придать своей одежде форму человеческого тела.

А потом, не переставая грозно извергать самые страшные ругательства, ринулся к дверце, расположенной возле белого столика. Рванул ее на себя, зверем ворвался в сверкающую полированным мрамором и золотом туалетную комнату и застыл в оцепенении, абсолютно никого не обнаружив в отделанном с особым старанием помещении.

В следующий миг по павильону пронесся бешеный ураган. Разгромил кровать, вышвырнул из шкафов тщательно подобранные наряды, перевернул кресла, разбросал остальную мебель...

Разумеется, не своими ручками Тодгер крушил так заботливо устроенное любовное гнездышко, а магией, и громил он не столько мебель, сколько собственные мечты.

В которых они с Дарочкой передвигались от стола к ложу, а от ложа к бассейну, только крепко обнявшись и шепча друг-другу самые невероятные признания.

Покончив с мебелью, смерч выбил одну из дверей и, продолжая бесчинствовать, унесся на улицу. Перевернул пару вазонов с цветами, выдернул с корнями несколько кустов, пока маг наконец не почувствовал себя совершенно успокоившимся и готовым рассуждать хладнокровно.

В мраморной резной беседке, усевшись в удобное кресло, так как темные маги – существа нежные и неудобств не переносят, Тодгер призвал свой шар и карту королевства. А затем приступил к поиску. Разумеется, сад, парк, пруд и собственный замок осмотрел в первую очередь, заглядывая под каждый кустик и за каждую занавеску.

Обшарил все до самого чердака и, расширив круг поиска, отправился дальше, к неприступным высоким стенам, окруженным широкой полосой высокого и непроходимого густого кустарника, усыпанного огромными ядовитыми колючками.

Еще никто и никогда не сумел его преодолеть: ни зверь, ни птица, ни коллеги-маги, ни толпы отчаянных авантюристов из соседних королевств.

«А уж чем только они не вооружались», – едко хихикнул Тодгер, вспоминая зал трофеев в своем замке. И амулеты, и раритетная броня, и зачарованное оружие. Не говоря уж о зельях, мертвой воде и банальных взрывных смесях, купленных у гномов.

Да ему не один десяток лет пришлось бы трудиться, чтоб на все это заработать. А эти сами пришли, сами принесли и сами оставили в колючих лапах верного стража.

Вспомнив о верном страже, выращенном когда-то магией из веточки падуба и имеющего с деревом один общий корень, маг со злости хлопнул себя по лбу ладонью – ну не дурак ли он!

Вот до чего довела проклятая любовь, совсем с этой принцессой соображать разучился!

Ведь он давно наделил падуб разумом. Разумеется, не таким, как у людей или птиц, а магическим. Колючий друг помнит лишь происходящее возле него и отвечать может только на самые простые и короткие вопросы.

В тот же миг мощный вихрь приподнял кресло и перенес к росшему у калитки маленькому кустику падуба. Единственному, которому разрешено было расти по эту сторону стены. Поморщившись, Тодгер решительно сунул руку в колючки, подождал, пока капельки крови впитаются в лаковую поверхность листиков, и залечил ранки.

– Здравствуй, страж.

Огромная почка вздулась на одной из верхних веточек, закачалась и лопнула, превратившись в мутный зеленый глаз с огромным черным зрачком.

– Хозяин.

– Принцесса... – Маг задумался, учил он падуба этому слову или нет? И поправился: – Девушка приходила?

– Да.

– Пропустить просила?

– Да.

– Ты пропустил?

– Да.

– Почему?! – задохнулся от возмущения маг.

– Платок.

– Какой платок?!

– Кровь.

– Платок был в крови?

– Да.

– И чья это была кровь? – подозрительно осведомился Тодгер.

– Твоя.

– Откуда? – недоуменно нахмурился маг и задумался.

А потом вспомнил – было такое. Ранней весной Дарочка сидела вместе с сестрами на залитой солнцем южной веранде и вышивала подушечку. День был такой светлый и ясный, что заниматься зельями и преступниками не хотелось совершенно. Потому-то Тодгер тоже сидел там и усиленно делал вид, что создает для принцесс тень да помогает вдевать магией нитки в иголки. А сам тем временем втихомолку играл локонами своей принцессы, заставляя воздушную струйку то приподнимать их, то касаться нежных щечек, то падать в вырез платья.

И доигрался. Когда подавал девушке иголку, она неожиданно пребольно уколола его руку.

– За что? – лицемерно разобиделся тогда маг, но она насмешливо посмотрела ему в глаза и заявила, что в его возрасте рановато страдать провалами в памяти.

Но тут рассмотрела капельку крови на его руке, расстроилась, разахалась, промокнула своим платочком и позволила поцеловать пальчики в знак примирения.

«Так вот, значит, как!» – оскорбился маг, вспомнив это маленькое недоразумение.

А он-то, дурак, потом целый день был счастлив, создавал им на клумбах необыкновенные цветы, выстраивал в небе облака в различные картины, привел из леса пугливого оленя...

А она просто нашла способ получить немного его крови, ведь про верного стража маг рассказал ей намного раньше. Нет, он знал, что у всех особ королевского рода коварство врожденное, и даже немного радовался. Жене темного мага без этого нельзя. Но так надеялся, что у Дарочки его окажется меньше, чем у остальных.

Значит, ушла... ну что ж, пусть идет.

От того, что проклятые пустоши являются самым красивым местечком королевства, они не перестали быть и самыми дикими. И, следовательно, самыми опасными.

Так пусть немного погуляет, скоро и сама назад прибежит. И вот тогда он ей все припомнит... но, разумеется, все простит, если она перестанет глупо упрямиться.

Воображение живо нарисовало эту желанную картинку: Дарочка входит в калитку, несчастно опустив голову, подходит к неприступно стоящему на крыльце Тодгеру и говорит своим нежным голосом:

– Прости меня, пожалуйста. Я поняла, что не могу без тебя жить...

А тот будущий суровый Тодгер, стоящий на крыльце в своем лучшем костюме и начищенных до блеска сапогах, насмешливо разглядывает грязное личико вредной девчонки. И порванное, перепачканное платье, и спутанные локоны, и многочисленные царапины на руках. Ведь ей пришлось пробираться через глубокий овраг, которым маг намеренно преградил дорогу к своим владениям, чтоб не шатались всякие любители приключений.

И специально населил этот овраг ядовитыми змеями и огромными жабами, кусачими крысами и шакалами.

Демонская кровь! А ведь эта дурочка и в самом деле не задумываясь полезет в тот овраг, который даже сам Тод обходит десятой дорогой!

И, само собой, никогда не сможет его пройти, несмотря на защитный медальон, который он ей лично зачаровал и велел носить не снимая!

Вот и сидит небось сейчас где-то там, под кустиком, вдыхая ядовитые испарения, окруженная стайкой жадных крыс и танцующих смертельный танец кобр!

Маг раздосадованно дернул себя за свисающую с виска почти до груди прядь смоляных волос, щелкнул пальцами, и яростный вихрь подхватил кресло. Оно взвилось выше стены и колючей ограды, пронеслось над живописным склоном, перелетело через прозрачную реку в песчаных берегах...

Ничего этого Тодгер не видел, он глядел не на красоты природы, а в свой шар, осматривая его магическим оком каждый кустик и каждый камушек.

Безуспешно, нужно сказать: кроме стаи оборотней, нескольких русалок да медвежьего семейства, шар не обнаружил никого живого.

– Темная сила! – прорычал он, снова расстроено дернув назойливую прядку.

Кастовал на себя усиленную защиту и направил кресло в сторону оврага, даже не надеясь найти невесту живой. Если оттуда даже авантюристы в зачарованных доспехах еле живыми выползают, да и то не все, чего уж говорить о полуголой девчонке!

Тут маг припомнил, что по ночам возле его оврага любят водить свои брачные хороводы оборотни, и зарычал еще свирепее. И намного отчаяннее.

Если Дарочка случайно встретилась с этими обаятельными ловеласами, можно не сомневаться в ее целостности и здоровье. И спит сейчас принцесса вовсе не под кустиком, а в уютном домике на опушке леса, на ложе, покрытом покрывалом из беличьих шкур.

И, разумеется, не одна.

Тодгер люто заскрипел зубами и прибавил креслу скорости, так что полы его черного плаща захлопали за спиной, как крылья диковинной птицы, а над ними пиратским флагом взлетели смоляные пряди.

Он мчался над глубоким оврагом, поросшим колючками всех сортов и видов, тревожа обитателей этого жуткого места. Впрочем, глупые жабы провожали его беззаботно-пучеглазым взглядом, а змеи вообще не смотрели вверх, им не до таких глупостей.

Зато шакалы, поджав хвосты, лезли в самую чашу густых кустов, догадываясь, что не стоит ждать ничего хорошего от забросившего их сюда существа.

А вот крысы стремглав неслись по склонам вверх, карабкались по отвесным стенам, срываясь, падая и снова устремляясь вперед.

Им было точно известно – просто так, прогуляться или развлечься, маг ходит совсем в другое место, значит, пора спасать серые шкурки. И не важно, что мех бросовый, зато свой, родной.

* * *

Дарелетта постояла у окна, провожая взглядом стремительно улетавшего хозяина замка, ехидно хихикнула и отвернулась.

Как она и предполагала, Тодгер даже не подумал искать ее здесь.

Обшарил все до самого укромного уголка, не заглянув лишь в одно-единственное место – в свою собственную рабочую башню.

Не додумался, что именно туда принцесса первым делом и направится. Память у нее отличная, а маг не раз повторял, что защита его лабораторий настолько надежна, что даже муха не пролетела за последние лет десять. Не говоря уж о ком-то крупнее.

И при этом заверял Дарочку, что вложил в ее медальон защиту от всех известных ему ловушек и заклинаний. И даже проверить предлагал.

Но тогда Дарочка отказалась, сказав, что она не подопытная крыса. И что вообще полагается на его слово. Хотя на самом деле таились в ее душе сомнения, и немалые.

Зато вот теперь она ему совершенно верит.

Действительно, от всех заклинаний Тодгера она защищена, опробовано на деле.

Несмотря на то что откуда-то летели огненные стрелы, а под ногами расплывались жуткие черные кляксы, от Дарочки они отскакивали, как вода от раскаленного утюга, не причиняя никакого вреда.

Ну, разумеется, она не сразу сама сюда сунулась, что за вздор! Уговорила глупенькую колючку, пообещав ей за это сказку. Та ведь совсем как ребенок, такая же наивная и любознательная. Самую простенькую сказку про елочку прослушала четыре раза и даже не все поняла.

После стебля колючки, вооруженного медальоном принцессы, попасть в башню было довольно просто. Значительно труднее оказалось высидеть два часа у окна в ожидании появления ее личного рабовладельца. Скучно и прохладно, хотя снарядилась Дарочка по-походному. Зато зрелище того стоило.

Вид вырывающего кусты и громящего павильон смерча был очень впечатляющ. Ничего более увлекательного она за всю свою жизнь не видела, но магу конечно же никогда в этом не признается.

Ведь если разобраться, точно так же мог вести себя и владелец какой-нибудь ценной птички или зверюшки, если бы она от него сбежала.

Значит, придется продолжить испытания.

Но для начала неплохо бы умыться, переодеться и нормально перекусить, пирожными сыт не будешь...

* * *

В кухне было все.

Сияющие чистотой котлы, котелки и котлищи, сковородки, дуршлаг и половники всех видов, разделочные доски...

И целый ряд поблескивающих отточенными кромками режущих и рубящих кухонных орудий. От крохотного ножичка, непонятно для чего предназначенного, до огромного топора, с какими в книжках ходят только орки.

Еще Дарочка обнаружила шеренги мисок, подносов и тарелок, чашек, кружек, ковшиков, вилок и ложек и множество прочей неопознанной посуды и приспособлений.

Не было только того, что она всегда безошибочно находила на кухне собственного дворца.

Подносов с пирожными и пирожками, корзин с булочками и хлебцами, накрытых салфетками пирогов и кулебяк.

Да тут даже завалящего сухарика не нашлось. Ничего! То есть абсолютно!

Зато нашлась дверца и за ней – кладовая.

Большая такая, размером с два разгромленных магом павильона.

И вот тут было все... кроме того, что пыталась отыскать Дарочка.

Висели на балках разнообразные копченые и вяленые окорока, колбасы, рыбы, птицы и даже лягушки. Всех размеров и цветов, от почти черного до бледно-золотистого.

Лежали на огромных, голубовато-прозрачных ледяных плитах туши всевозможных животных, птиц, рыб и прочих морских обитателей.

Стояли бочки с маслом, медом, сиропами и соленьями-моченьями: грибами, ягодами, фруктами и овощами.

Впрочем, овощей и фруктов и свежих было столько, что возле некоторых ларей и корзин Дарочка застыла в глубокой задумчивости, не узнавая полосатых и пятнистых незнакомцев и подозревая, что маг просто сложил тут результаты своих экспериментов.

Дальше шли лари с крупами, мукой, сухофруктами, огромные банки с вареньями, приправами и пряностями, полки с разнообразными сырами и кувшинами сливок и сметаны, туески с коровьим маслом и горшки с творогом и животным жиром, связки чеснока и перцев, трав и листьев. И еще бочки с икрой и корзины с яйцами, шкатулки с чем-то непонятным, коротко подписанные торопливым почерком... у принцессы даже голова закружилась от этого изобилия и голода.

А за арочной дверью виднелся винный погреб: огромные бочки с кранами, стеллажи с бутылками...

Но нигде не было того, ради чего принцесса бродила между стеллажами и полками и заглядывала в бочки.

Пирогов, пирожных, печенья и вафель. Да даже простых булочек с изюмом и тех не было!

Эх, маг!

А говорил, что любит ее!

Какая же это любовь, если он даже вкусов любимой принцессы не изучил? И прежде чем тащить ее в свое логово, не забил кладовые пирогами-булками, пирожными-морожеными и шоколадом!

Только о себе, эгоист, и заботился, винища да мяска натаскал столько, что полку егерея на месяц вполне хватит!

Распаленная обидой, Дарочка двинулась в обратный путь, не забыв, однако, прихватить кружок сыра и копченого рябчика, привлечшего ее золотистым цветом и аппетитным ароматом.

Сиротливо лежащие на первозданно чистом кухонном столе сыр и рябчик выглядели приговоренными на эшафоте, а Дарочка сама себе казалась палачом, когда двинулась на них с одним из внушительных режущих кухонных орудий.

Само собой, умела она пользоваться ножом, что за вздор! И отбивную котлетку аккуратно отрезать, и книжные листы открыть. И даже кусок пирога при случае сама себе отрезала, когда, дочитав в три часа ночи книжку до описания роскошного пира, обнаруживала, что на стоящем рядом подносе не осталось даже крошек.

И потому решительно вонзила огромный нож в круг сыра, точно помня про нежность сливочных ломтиков.

Нож вошел в глянцево-желтое тело сыра не очень легко, но Дарочку это не смутило, принцессам не подобает отступать перед трудностями. «А сыр даже смешно назвать трудно-стью», – презрительно сморщив губки, сообщила девушка сама себе и нажала на ручку ножа со всех сил.

Нож неохотно двинулся вглубь, дошел до середины и застыл.

Дарочка попыталась его вытащить – где там! Неведомая сила держала острое оружие крепче, чем терновый куст – кружевную накидку.

Через некоторое время принцесса устала, рассердилась и решила, что это маг специально зачаровал сыры, чтоб их не могли съесть какие-нибудь аферисты, с которыми он время от времени борется.

Взяла новый нож, еще больше, стиснула рукоятку двумя руками и подступила ко второму приговоренному, беззаботно валявшемуся лапами вверх. «А как же ему волноваться, если головы уже нет», – мелькнула у принцессы мысль, сверкнуло ясное лезвие ножа...

В тот же миг промелькнули золотистые лапы рыбчика, совершившего головокружительный прыжок со стола под буфет, и сталь со всей силы обрушилась на не предполагавший такого коварства стол.

И хотя дубовая столешница абсолютно не ожидала нападения, сопротивление все же оказала. Не сдалась внезапному удару, и нож, со всей Дарочкиной силы саданувший по ее поверхности, отскочил с таким азартом, что девушка предпочла отпустить его и резво отпрыгнуть в сторону.

Зазвенела по полу каленая сталь, заухал под потолком чей-то язвительный смех.

Дарочка стремительно отпрыгнула еще дальше и лишь после этого обернулась.

На одном из стульев с высокой спинкой, ранее тихо придвинутом к обеденному столу, сидел мужчина средних лет с очень импозантной внешностью. Чуть волнистые волосы цвета перспелой вишни львиной гривой поднимались надо лбом, в ухе поблескивала замысловатая серьга, из-под насмешливо изломанных густых бровей смотрели пронизательные зеленые глаза, а жгуче-черная мантия была расшита серебряными рунами и звездами.

– Почему ты смеешься?

– А разве не смешно? Ты не сумела себе отрезать ни сыра, ни мяса! Да я абсолютно уверен, ты даже простой каши сварить не в состоянии, не говоря о том, чтобы испечь себе булочку.

– А ты умеешь делать все на свете? – невинно поинтересовалась Дарочка и чинно уселась за стол напротив незнакомца.

О том, что убегать от него бесполезно, девушка догадалась сразу.

– Не все, но очень многое, – ехидно прищурился он.

– А сколько тебе лет?

– Магам такие вопросы не задают.

– Ладно, – кротко опустила глазки принцесса, – задам другой. Ты и в восемнадцать лет умел столько же, сколько и сейчас?

– Ну разумеется, нет. Однако обслужить сам себя, разжечь плиту и приготовить обед точно мог.

– А тебя всему этому кто-нибудь учил? Ну, хоть раз показали, как это делается?

– Вообще-то я был очень смысленный, – гордо припомнил маг. – Мне достаточно один раз понаблюдать, и я навсегда запоминаю, что и как делается.

– И тебя не выгоняли из кухни и из всех комнат, где кто-то готовит, стирает, гладит или шьет? – изумленно ахнула девушка.

– Нет, конечно, у нас дома все что-то делали.

– А вот у нас никто из семьи ничего не делает! – горестно сообщила Дарочка. – И ходить туда, где что-то делают, настрого запрещено. Еще нельзя самой одеваться, причесываться, купаться... только вышивать да книжки читать и можно, хотя книжки стараются давать пореже, а пяльцы – почаще.

– Мне уже пора начинать тебя жалеть? – насмешливо прищурил свои изумрудные глаза маг.

– Да где уж тебе, – презрительно фыркнула принцесса. – Ты за свои триста лет уже, наверное, забыл про такое чувство, как сострадание. Мне достаточно и простого понимания... или книжки, где написано, как что делать. У нашего главного повара есть, но он мне не дает. Говорит, тогда король из него самого отбивную сделает.

– А вот оскорбить меня намеком на мою старость ты пытаешься очень зря, – с легкой угрозой протянул маг. – Я ведь не Тодгер, обид тебе прощать не намерен!

– Это ты меня первый обидел, – немедленно возразила принцесса. – Обвинил в том, в чем я никак не могу быть виновата. А теперь ругаешь за то, что я защищаю себя! А ведь чувство собственного достоинства и гордости в нас воспитывает наставница, специально приехавшая из Королевского института благородных девиц Лезарии!

– Хорошо, – немного подумав, заявил незнакомец. – Я задам тебе несколько вопросов, и если сочту, что ты заслуживаешь, то переменю свое первоначальное намерение насчет твоей судьбы.

– Задавай, – крепче прижав к себе свою книжку, согласилась принцесса, начиная мечтать, чтобы хозяин замка поскорее вернулся.

Ведь вопросов может оказаться не так уж много, а незванный гость, судя по всему, настроен очень решительно.

– Но сначала мы перейдем в более безопасное место, – словно прочтя ее мысли, усмехнулся зеленоглазый. – Тодгер заканчивает громить свой овраг и как только не обнаружит там твоего тела, вернется домой. И непременно начнет расследование. Он умеет рассуждать очень трезво, пока не отвлекается на всякие глупости.

Маг сделал неуловимое движение рукой и оказался рядом с принцессой. А в следующий момент решительно сдернул ее со стула, крепко прижал к себе, и светлая, ухоженная кухня Тодгера исчезла вместе с недорезанным сыром и недорубленным рябчиком.

* * *

– Ах! – само сорвалось с губ Дарочки, но она тут же крепче стиснула ротик.

Давно поняла, читая книжки, как надобно вести себя девушкам, когда их умыкают бандиты или такие вот грозные незнакомцы. Если эти девушки не хотят, разумеется, немедленно получить пощечину, оказаться в подвале или еще где похуже.

Да и место, куда они попали, вовсе не произвело на Дарочку гнетущего впечатления.

Хотя в первый момент показались слишком суровыми черные с золотой прожилкой мраморные стены и полы, черный камень очага и металл котлов. Однако, оглядевшись, принцесса больше не замечала нарочитую черноту этого помещения, ее натренированный глаз успел рассмотреть и блюдо с пирогами, и витую корзинку того же черного металла, полную пирожных, и даже шкафы с разнообразной посудой.

И не важно, что она тоже черная, пить чай можно из любых чашек.

– А чего это ты не визжишь? – поинтересовался маг, оставив Дарочку посреди кухни и усаживаясь во внушительного размера кресло с высокой спинкой.

– Не считаю нужным, – кратко ответила Дарочка и загнула один пальчик.

– Почему?

– Чтобы тебя не сердить, – так же смиренно выдала один из мелькнувших в ее хорошенькой головке вариантов ответа принцесса и зажала второй пальчик.

– Благоразумно, – нехотя похвалил похититель. – А что ты там считаешь?

– Вопросы. – С постного личика Дарочки можно было писать ангела смирения.

– Заче... – начал маг и захлопнул рот. – Ясно. Как я понимаю, вести себя прилично и рассуждать здраво ты все же умеешь.

– Вам виднее. – Скромность принцессы расцветала, как поле одуванчиков на рассвете.

– И это верное замечание. Тогда ответ на вопрос посложнее – почему ты издеваешься над женихом?

– У меня нет жениха. – Огромные синие глаза смотрели с искренней печалью.

– А Тодгер?

– Маг Тодгер меня купил, и теперь он мой рабовладелец, – горько вздохнула девушка.

– Но ведь прежде, чем обменять тебя на корону, он почти два года за тобой ухаживал? – Маг явно начинал злиться, и Дарочка это поняла.

Но солгать в таком важном для каждой девушки вопросе не могла.

– Нет, не ухаживал.

– Как это «не ухаживал»? Да он вился возле тебя по полдня, вместо того чтоб заниматься делами!

– Пчелы тоже возле цветов выются, – чуть покраснев, проворчала принцесса. – По-вашему, это можно назвать ухаживанием?

– А, – догадался маг и только тут заметил, что принцесса так и стоит посреди кухни. – Садись на стул и рассказывай, как, по-твоему, должен был ухаживать за тобой Тодгер.

– Как за всеми принцессами ухаживают, – безнадежно вздохнула Дарочка. – Вот весной за Генриеттой ухаживал принц из Хадгира. Весь дворец сидел у окон с платочками! Он приезжал к ней под балкон на белом коне и пел серенады, по пять раз в день присылал ей букеты, читал стихи, катал на лодочке по большому королевскому фонтану и лично держал над Генриеттой зонтик!

– Понятно, – строго прервал принцессу маг, ясно ведь – про замечательное ухаживание принца Геррика, слывающего отъявленным ловеласом, девушка может рассказать еще очень долго. – А ты не подумала, что все люди разные? И далеко не каждый способен полночи горланить под балконом, развлекая весь дворец!

– Подумала, – сообщила принцесса, глядя на похитителя ангельски ясными глазами. – И вполне обошлась бы без серенад. И заодно без принародного лапания моих коленок.

– А догадаться о том, что он из семьи магов, а они не считают обучение изящным манерам самым важным делом, ты могла?

– Нет, не могла, – печально помотала головой девушка. – Не настолько я сообразительная. Но ведь и ты не догадался, что меня никто не обучал варить кашу и резать сыр?

– Дерзка, – прищурился маг, подумал и добавил: – Но не дура и не истеричка.

– Спасибо, – кратко кивнула принцесса.

– Пока не благодари... хотя отправлять тебя в подарок дугрейскому султану я раздумал. Решил дать последний шанс. Окончательно все просчитаю позже, сейчас у меня срочное дело, а до того времени придется тебя спрятать. Но не волнуйся, принцесс я сажаю в камеру только в самых крайних случаях. Тебя спрячу по-другому.

Черное облачко слетело на Дарочку с потолка и, словно туман, осело на ее коже.

– Теперь тебя никто не узнает, – любезно сообщил маг, свивая пальцами в воздухе замысловатую невидимую виньетку. – А чтоб ты сама не проболталась, говорить сможешь только по моему приказу. Звать тебя буду коротко – Ре. Ну а все остальное тебе объяснит Туа. Туа! Иди сюда!

Черная дверь, совершенно незаметная на фоне стены, аккуратно раскрылась, и в комнату вошла совершенно черная женщина в черном же платье. Только чепец с оборками, завязывающийся по южной моде на затылке, да длинный фартук с крылышками были ослепительно-белыми. Она подошла ближе и молча застыла перед магом, ожидая указаний.

– Я привел тебе ученицу, – строго сообщил маг. – Научишь ее всему, что умеешь. Есть давай только ту еду, которую она приготовит сама. Поняла? Никаких пирожных.

– У-у-у! – промычала Дарочка, с ужасом понимая, что из горла не вылетает ни одного из тех словечек, какие ей хотелось выкрикнуть, когда она разглядела свои совершенно черные руки и точно такой же наряд, как на Туа.

Маг не обратил на это мычание никакого внимания, видимо, догадывался, каких слов следует ждать от пленницы. Просто поднялся с кресла и шагнул к двери, определенно намереваясь покинуть кухню. И тогда принцесса бросилась ему наперерез и торопливо нарисовала в воздухе рукой большой вопрос.

– Спросить хочешь? – догадался маг, посмотрел в глаза, ставшие такими же черными, как и все остальное, и нехотя разрешил: – Ну ладно... только один вопрос.

– Надолго? – сумела произнести принцесса и снова онемела.

– До тех пор, пока не научишься готовить, – равнодушно сообщил он и, твердо ступая, вышел прочь.

– Значит, – с ненавистью глядя ему вслед, процедила немymi губами Дарочка, – у меня будет достаточно времени, чтобы выяснить все, что захочу.

Ну а план, как отомстить за это похищение, постепенно сложится в голове сам, уже проверено.

– У! – сообщила Туа, дернув девушку за рукав, и та обернулась наконец к своей учительнице.

А обернувшись, замерла от изумления, сообразив, что мыслила в верном направлении и пока еще не все в жизни для нее потеряно. Чернокожая повариха подмигивала так дружелюбно, что не поверить в это было просто невозможно.

Ну а когда подруга по несчастью состроила ехидную гримасу и дерзко показала закрывшейся двери розовый, как у собачки, язычок, Дарочка поняла, что уже почти обожает эту кухарку.

А Туа взяла с полки стопку мисочек, бросила в корзинку и поманила ученицу черным пальцем. И та с готовностью шагнула следом, догадываясь, что нарушить приказ и выдать ей готовое пирожное женщина не сможет.

По этой кладовой они пробежали быстро и уверенно. В этот раз Дарочке не пришлось ломать голову, какие продукты нужно брать, достаточно было повторять все за сестрой по несчастью. Девушки зачерпнули одной мисочкой муки, в другую бросили желтый шарик масла, в третью плюхнули густоющей сметаны, еще в одну аккуратно сложили яйца. Последней зачерпнули чего-то очень белого и мелкого, и кухарка сунула туда палец и лизнула, показывая, что ученица должна сделать то же самое.

Белое оказалось сахаром, только очень мелким, и теперь Дарочка его узнала – точно таким бывали посыпаны булочки и пирожные.

Вернувшись в кухню, Туа не стала заниматься ни мукой, ни сахаром, просто поставила корзину на стол и повела принцессу к очагу.

– Чтоб огонь разгорелся сразу, – внезапно сообщила она мелодичным голосом, – вниз положи стружек, потом мелкую щепу и последними – поленья, но сначала самые мелкие, и не плотной кучей, а сложи для огня домик.

Оглянулась на возмущенно сопящую ученицу и выразительно показала глазами на дверь.

Тут бы и дурак понял, что маг как-то подслушивает разговоры пленниц, а Дарочка дурочкой себя не считала. И потому понятливо кивнула и принялась в первый раз в жизни строить дом не из разноцветных кубиков драгоценных сортов деревьев, а из неошкуренных чурбачков и смолистых стружек. И не для ручного хомячка, а для огня.

Туа помогала, потом достала с полки черную металлическую шкатулку, выкатила из нее ложечкой маленький, тускло светящийся уголек и положила между дров.

– Это спящий огонек. Дунь на него.

От легкого дуновения уголек ожил, высунул призрачный язычок, лизнул одну стружку, другую и расцвел огненным цветком, пока маленьким и неярким, но очень быстро набирающим силу.

Кухарка довольно прикрыла дверцу, поставила на плиту большой чайник с водой и вернулась к столу. Там она уверенно разделила все принесенное на две равные кучки, выдала ученице сито и всыпала в него муку.

– Сей. Это просто – дергай сито то одной рукой, то другой. Да, вот так. Просеянная мука даст пышное тесто, ляжет без комочков, и булки будут высокими и воздушными.

Дарочка представила воздушные булочки, невольно облизнулась – именно такое печево она и любила – и решительно задергала руками.

А пока она сеяла муку и снова собирала ее в мисочку, вскипел чайник, и Туа, достав одинаковые широкие и невысокие котелки, налила в один ровно чашечку кипятка.

– Теперь ты.

Это оказалось не так просто – налить из большого чайника в чайную чашку, но принцесса очень старалась и пролила совсем немножко. Перелить из чашки в котелок оказалось совсем просто.

– Кладем масло. – Кухарка подержала широкий нож в горячей воде, нажала, и сливочный шарик распался пополам. – Теперь можно резать кубиками.

Отправив масло в ковшики, учительница с ученицей поставили их рядышком на плиту и всыпали по щепотке соли и ложечке сахара.

– У-у... – разочарованно хныкнула принцесса, по ее мнению, сахара следовало насыпать больше.

Много больше.

– Сахар не сюда, – отлично поняла страдания девушки черная Туа. – Это будет тесто.

И едва масло растворилось, а вода начала снова закипать, разом всыпала туда чашечку муки и принялась ловко мешать.

Дарочка повторяла ее действия, как ученая собачка, и даже кончик языка чуть высунула от усердия, отлично понимая, что если сделает что-то не то, то и кушать будет это самое «не то». Не раз слышала разговоры кухарок, забегая в неурочное время за булочкой, что пироги сегодня не удались.

– Теперь разбивай по одному яйца и быстро вмешивай, – отодвинув котелки на самый край, скомандовала Туа, ставя рядом мисочку с яйцами и чашечку. – Но если не умеешь хорошо разбивать, то сначала в чашечку. А когда льешь яйцо в тесто, старайся не попасть на дно, мы готовим не яичницу. Пяти штук хватит, яйца крупные. И не забудь: в это тесто яйца идут самые свежие и ни в коем случае не холодные. Я специально немного подержала их рядом с чайником, а прислали эти яйца только утром.

Разбить яйцо так, чтоб скорлупка лопнула ровно посередине и не смялась мелкими кусочками, принцессе удалось с третьей попытки, когда она сообразила, что удар ножа должен быть

сильный и короткий. И плоды ее первых неудач Туа, бдительно следившая за девушкой, спокойно слила в мисочку из-под муки.

– Потом взобью и процежу, в тесто пойдет, – сообщила она в ответ на любознательный взгляд ученицы. – А вообще запомни: если не уверена, что яйца свежие, всегда разбивай в чашечку. Иначе можно плохим яйцом испортить кучу продуктов. Да мешай получше, не отвлекайся! Тесто должно стать послушным, тягучим и легко отставать от стенок. Вот смотри, какое у меня!

Кухарка белоснежным полотенчиком отставила в сторону свой котелок и заглянула в посуду к принцессе:

– Хорошо, молодец. Еще одно яйцо – и готово, да вот так, промешивай до дна, чтоб все было одинаковым. Не вздумай схватиться руками, когда будешь снимать, обожжешься. Ну вот, готово. Сейчас поставим выпекать, духовка уже нагрелась.

Туа достала с полки широкий металлический противень, плеснула немного масла, ловко размазала черной ладошкой и вытерла ее о полотенце. Принцесса проследила за ней и подозрительно прищурилась – на полотенце не осталось и следа масла. Значит, каверзный маг все-таки помогает служанке, и это неплохая примета. Может, он и над Дарочкой позже сжалится, доживать свою жизнь чернокожей и немой кухаркой ей совсем не хочется.

– Вот с этой стороны твои, а тут мои, – поделила кухарка лист пополам. – Я со своей стороны поперек класть буду, а ты вдоль клади. Бери чайную ложечку, обмакивай в холодной воде и зачерпывай ровненький шарик, да не размазывай! Так кучкой и клади. Снова в воду, снова на лист. Посвободнее раскладывай, они вырастут. Остатки теста соскреби со дна, там еще пара шариков выйдет, потом порадуешься. Все, открываем духовку, ставим, – чуешь, какой оттуда жар? Самое то, что нужно, чтоб тесто поднялось и испеклось. Закрываем и двадцать минут не подходим, открывать и смотреть нельзя, сядут булочки, будут клеклые. А пока в печи угольки отгребем в сторонку, чтоб не пригорело, тут они жара на духовку не дают. Теперь идем делать начинку.

Туа ловко собрала со стола грязную посуду, составила в стоящий в уголке сундук и через минуту вынула ее назад совершенно чистенькую. Дарочка вздохнула с облегчением: огромные корыта, в которых мыли посуду в родном дворце, перестали нравиться ей уже очень давно. Это лет в десять юной принцессе казалось, что очень интересно болтать в них тарелками и ложками.

– Вот тебе венчик, вот миска, в следующий раз сама возьмешь, – подтолкнула ученицу к столу кухарка. – Начинку сегодня сделаем самую простую, сметанную. Но с сиропом, ты малину или вишню любишь? Покажи пальчиком. Я тоже малину.

И щедро наплюхала в Дарочкину миску густой сметаны. Полила малиновым сиропом, всыпала чашечку сахара.

– Взбивай! – И взялась за свой венчик. – К себе крути да поглядывай, чтоб все ровно промешалось. Готовый крем должен быть пышным, как пена с хорошего мыла, и не падать с венчика.

Это была нелегкая работа, принцесса запыхалась, рука у нее начала болеть, но она упорно крутила венчик, кушать хотелось все сильнее. И даже сама себе не поверила, когда обнаружила, что у нее в миске больше не сметана с сахаром, а крем. Самый настоящий, именно такой, какой бывал на тортиках и пирожных, пышный, нежно-розовый, вкусный даже на вид.

Украдкой сунутый сначала в миску, а потом в ротик черный пальчик подтвердил – точно, это он, родненький!

Вот теперь Дарочка начала верить, что перекусить ей сегодня наконец удастся. И можно будет не вздыхать тайком о яблоках и грушах, скормленных ради дружбы колючему сторожу.

– Готово, – сообщила Туа, – пора вынимать. На первый раз я, потом будешь ты. И не забудь: лист очень горячий, намного горячее, чем кипящий чай. Если коснешься – будет ожог.

Она распахнула духовку, ловко схватила свернутыми в несколько раз полотенчиками противень и перенесла на стол.

Принцесса во все глаза смотрела на пышные золотистые булочки, в которые превратились продолговатые шарики, и едва не плакала от умиления – они это, они! Самые любимые ее пирожные! Да она их теперь по три раза в день печь будет!

Вся остальная работа оказалась проще и приятнее. Осторожно сняв на доску пирожные, сначала дали им остыть, потом надрезали сбоку так, чтоб верхняя половинка открылась, как крышечка на маленькой шкатулочке. И наконец большой ложкой положили внутрь каждого взбитый крем. Затем прикрыли крышечки и, разлив по чашкам чай, который оставшимся кипятком мимоходом заварила Туа, устроились со своими тарелками у обеденного стола.

– Мм, – пробуя пирожное, мурчала от удовольствия принцесса, как вкусно-то!

– Как я понимаю, пирожные ей удались, – едко изрек голос мага, и, скосив глаза, Дарочка обнаружила, что он уже сидит в своем любимом кресле. – Но не могу понять другого. Почему ты, Туа, не начала обучение поварскому делу с чего-нибудь попроще? С каши, например, или бульона? Меня вот, допустим, сначала учили чистить овощи. Я целых полгода чистил картошку и лук. Туа! Почему ты не отвечаешь, когда я задал вопрос?!

Кухарка состроила презрительную рожицу и, не обращая на мага внимания, откусила сразу полпирожного. Вот в этот миг Дарочка поняла, что уже почти обожает эту мужественную женщину.

– Туа! Я с тобой разговариваю! – В голосе мага послышалось рычание голодного льва.

– А я с тобой – нет! – отрезала черная женщина и спокойно засунула себе в рот оставшийся кусок пирожного.

– А я и не прошу со мной разговаривать, просто ответь на вопрос!

Дарочке показалось, что это заявление слегка нелогично, и Туа тоже усмехнулась очень ехидно, но тут обе тарелки с пирожными поднялись со стола и взмыли к потолку.

– Как низко, – возмутилась кухарка, – использовать в разговоре с женщиной такие недостойные честного человека аргументы!

– А я не человек, а маг!

– Ты хочешь сказать, что все маги – нелюди? – торжествующе выпалила Туа, и вот тут Дарочка начала подозревать, что кухарка на самом деле такая же наказанная женщина, как и она сама, и, стало быть, нравится ей еще больше.

– А ты даже дня не можешь обойтись без оскорблений?! – Маг рычал уже с подлинной яростью. – Тогда в наказание останешься черной и после захода солнца!

– И за это ночую в белой башне, – отрезала женщина, – вместе с этой девочкой! Но решать, какими методами обучать свою ученицу, всегда буду сама! Я же не лезу к твоим ученикам!

– Смотри не пожалей! – рявкнул маг и исчез, а через миг тарелки с грохотом рухнули на стол.

– Псих, – презрительно фыркнула вслед Туа, и из-под потолка донеслось мстительное:

– И полное молчание!

– Пфф! – пренебрежительно засмеялась она, а восхищенная принцесса сжала в кулачок измазанные кремом пальчики и, выставив кверху большой, восторженно показала его кухарке.

В ответ та весело подмигнула и как ни в чем не бывало взяла с тарелки очередное пирожное.

* * *

– Раз, два, три, четыре... кого-то не хватает, – задумчиво сообщил король, глядя на загнутые в кулак пальцы левой руки.

Большой палец сиротливо торчал в сторону.

– Дарочки, ваше величество, – учтиво напомнил советник. – Ее забрали в обмен на корону.

– А! Так моя корона уже на месте?

– В самом надежном месте. И амулет королевский при ней.

– Какой честный человек! – восхитился король. – Ну и когда свадьба?

– Извините, ваше величество, но про это пока ничего не известно.

– Бедная Дарочка, – томно вздохнула королева и в трагическом жесте прижала пальчики к груди.

Паж мечтательно покосился на гуляющие по роскошному декольте расписные ноготки и приосанился.

– Ага, бедная, – без энтузиазма поддакнули принцессы, поглядывая на пустующее место придворного мага.

– Как это неизвестно? – задумался король. – А почему никто не поинтересовался? Я что, сам все делать должен?

– Мы бы поинтересовались, – с мученическим видом сообщил советник, – да ведь не у кого!

– Как – не у кого? – изумился его величество. – А у того, кто корону принес?

– Так ведь неизвестно, кто принес-то! Служанки пришли утром в башню, свежих пирожных принесли, глядят – принцессы нет. А на столе только грязный мешок, и в нем что-то гремит. Ну, они, разумеется, сначала упали в обморок, немного полежали и решили вызвать стражу. Капитан егерей отнес мешок алхимику, тот проверил амулетом и определил, что в мешке королевские ценности.

– А где Дарочка, он не определил? – дрожащим голосом произнесла королева.

– Нет, – скорбно глянул на нее советник. – Это никто определить не смог.

– А по письму? Осталось же письмо! – вспомнил король. – Да что же это такое! До всего я сам должен додуматься!

– Так нету же письма, – еще тише и несчастнее пролепетал советник, надеясь, что король не вспомнит, как было дело. – Вы же лично начертали на нем ответ, канцелярия и отправила!

– А по какому адресу? Должен у них остаться адрес! – Его величество сегодня явно был в ударе.

– Не было там адреса, – горестно шепнул советник. – Только конверт черный, магический. И приписка, что ответ нужно положить в этот же конверт.

– Ну?! – нетерпеливо выдохнули четыре хорошеньких ротика, а четыре пары разноцветных глаз уставились на советника с жарким любопытством.

– Ну и положили, – совсем убито сообщил он. – И конверт тут же исчез.

– Ах! – восторженно и завистливо выдохнули принцессы. – Настоящее похищение!

– Ах, – вскрикнула королева и упала в обморок.

– Уберите нервную бабу, – приказал король, вспоминая простонародные выражения лишь тогда, когда их не могла услышать ее величество.

Паж тайком ухмыльнулся, привычно подхватил королеву и потащил прочь.

– Где Тодгер? – продолжал буйствовать его величество. – Позовите немедленно! Пусть посмотрит в свой шар и срочно отыщет мне Дарелетту и ее похитителя.

– Хозяина, – дрожащим голосом поправил советник. – Вы же помните, там было выражение: «Обменяю находящиеся у меня в собственности королевские раритеты на принцессу на равноценных условиях». То есть она теперь его собственность.

– Ах, как романтично! – в четыре голоса ахнули принцессы, и король уставился на них изучающим взглядом, в котором явственно читалось зарождение идеи об обмене еще парочки шумных девиц на что-нибудь ценное.

– Собери совет, – приказал король. – Нужно все обсудить. Ничего без меня не можете! И придворного мага вызови, где он всегда шляется, когда у нас важные события?!

* * *

– Тьма! Она пропала! – врываясь в просторную лабораторию через распахнутое окно, отчаянно кричал Тодгер.

Он так и сидел верхом на кресле, но уже и близко не был похож на того чистенького и ухоженного молодого человека, которым выглядел всего несколько часов назад.

Одежда и волосы юного мага торчали во все стороны закопченными лохмотами, местами носили следы огня и были густо покрыты странными неопрятными пятнами. И весь он пропах гарью, потом и еще какой-то гадостью, как вырвавшийся с поля боя воин.

– Что пропало? – презрительно рассматривая мага, отозвался сидевший в таком же удобном, но снежно-белом кресле магистр. – Настойка, пентаграмма, зарядная пирамидка или подопытная крыса?

– Принцесса... – Маг горестно всхлипнул. – Дарочка моя, краса ненаглядная... колючку мою обманом провела и ушла в сторону оврага...

– Посмотри в зеркало! – не выказывая никакого сочувствия, брезгливо скривился магистр. – На кого ты похож! Даже вернувшийся из дальнего плавания матрос выглядит лучше после двухнедельной пьянки! Пугало ошпаренное ты, а не приличный маг! Тебя в таком виде даже комары не испугаются!

– Про комаров не скажу, – бросив беглый взгляд в зеркало, честно сообщил Тодгер, – не встретил ни одного. А все остальные почему-то испугались. Наверное, не знают, как должен выглядеть приличный маг. Даже оборотни... а ведь я не хотел делать им ничего плохого! Клянусь тьмой! Только спросить, не видели ли они мою Дарочку?! А эти дураки бежали аж до Синюхинского болота, догнать не мог! Попытался остановить по-доброму, несколько елок свалил на пути и пару рвов создал... так они еще быстрее помчались. Сидят сейчас у кикимор в бочажках, квасом отпаиваются и мажут лысины болотной ряской.

– Про лысины, пожалуйста, поподробнее, – учтиво произнес магистр. – Я не понял, откуда они-то взялись? Ведь ты говорил только про елки и рвы!

– Так это... – застеснялся маг, – когда они уже совсем на краю болота были, я понял, что не успеваю, и послал вслед огненный шквал.

– Бедолаги, – равнодушно усмехнулся хозяин лаборатории, поглядывая на серебряную лопаточку, мешавшую варево в небольшом котелке. – Так на них и одежды не осталось?

– Не осталось, – вздохнул гость, начиная понемногу успокаиваться. – Ни одежды, ни волос. Там на болоте вообще больше ничего не осталось, только немного воды в бочажках и кикиморы. Тоже лысые... они же любопытные дуры, вот и поплатились. Зато квас моментально созрел, они только утром завели... а сейчас уже хмельной. А чем это у тебя так вкусно пахнет?

– Кашей. Рисовой, на молоке и с маслом. Будешь?

– Буду. А почему ты сам ее варишь? Снова с Летуаной поссорился?

– Не поминай при мне это имя, а то каши не получишь. Хотя ты ее и так не получишь – за появление перед учителем в таком виде.

– Вид-то я исправлю, – убито махнул рукой маг, и его одежда вмиг стала выглядеть новенькой, а волосы оказались гладко причесаны и стянуты в тугой хвост. – А вот Дарочку...

– Ешь кашу, я пока подумаю, – угрюмо буркнул магистр, следя, как лопаточка сама раскладывает кашу по двум тарелкам, – как тебе помочь.

– Спасибо, Изрельс, – поблагодарил маг, доев кашу и запив ее кружкой кофе со сливками, и устался на учителя в ожидании: – Ты еще ничего не придумал?

– Придумал, – неторопливо вычерпывая кашу, порадовал его магистр. – Нужно провести доскональное расследование.

– Тьма. Так до этого я и сам додумался, – огорченно выдохнул ученик. – И даже уже провел.

– Неверно считаешь. Правильно проведенное расследование приводит к нужным результатам, а твое привело к облысению половины существ, окружающих твой замок. Еще одно такое расследование – и жить будешь в пустыне, среди черепах. Они облысения не боятся, как и огненных шквалов.

– Хорошо, проводи правильное, а я полечу, прочешу лес до предгорий.

– Не нужно, – резко остановил его Изрельс.

– Что не нужно?

– Никуда лететь и никого прочесывать. Вместе сейчас пойдем.

– Куда?

– В твой замок, естественно. Начнем все сначала.

– Пойдем, – уныло согласился Тодгер, проклиная в душе тот миг, когда в его расстроенную голову пришла мысль лететь за помощью к учителю.

Бывшему, если точнее. Ведь после того, как ученики пройдут испытание и совет ковена признает их магами, каждый продолжает совершенствоваться в своем деле самостоятельно.

Вот только учителей бывших, как показывает практика, не бывает. А еще она показывает, что также не бывает и бывших учеников: каждый учитель гласно или тайком продолжает присматривать за воспитанником, которому отдал не один год жизни и не одну лигу собственных нервов. Да и повзрослевшие ученики вовсе не без основания считают, что в самом крайнем случае у них есть самый последний шанс – бросить крик о помощи своему бывшему учителю.

Невидимая лапа сцапала несчастного мага, мелькнула тьма перехода, и вокруг Тодгера встали такие знакомые стены его собственной кухни.

– Зачем ты притащил нас сюда?

– Сам съел половину моей каши и еще спрашиваешь? Подкрепиться, вот зачем, – незаметно вытаскивая рябчика из-под шкафа, возмутился магистр. – А почему у тебя тут такой беспорядок? Неужели ты воевал с собственной кухней?

Тодгер собирался искренне признаться, что воевал только с собственноручно возведенным павильоном и не понимает, откуда тут могла взяться копченая птица, и тут увидел головку сыра с намертво застрявшим в ней ножом.

«Это значит, кто-то очень хотел есть и пытался отрезать себе кусочек...» – вмиг сообразил маг и так же быстро сделал и следующие выводы. Как это «кто-то»? Если никого, кроме Дарочки, на территории его замка никогда не бывало?!

Темные маги не выносят гомона и суеты.

Тьма, какой же он болван! Это же точно, Дарочка тут была! Значит, с вечера обиделась на него за книгу и решила подшутить, а потом проголодалась и пошла в замок!

Он подтянул к себе сыр, легко вытащил нож и снова задумался.

Сто раз тьма! Раз принцессе не удалось отрезать сыру и почему-то упал на пол рябчик, значит, она так и осталась голодной и бродит сейчас по замку в поисках еды! А там у него ловушки, обманки, капканы...

– Дарочка! – взвился под потолок отчаянный крик, и многострадальное кресло сорвалось с места, едва не впечатав своего хозяина в спешно распахнувшиеся створки двери.

– Неизлечимо, – мрачно проворчал магистр, одним движением брови зажигая огонь в печи и ставя на плиту огромную сковороду.

Хотя вкусно поесть он любил даже в самые спокойные времена, но от расстройства у всех темных магов просыпается просто зверский аппетит.

– Изрельс!

Магистр страдальчески поморщился и, не оглядываясь на дверь кухни, с грохотом распахнувшуюся перед хозяином дома, перевернул лопаточкой внушительную отбивную.

Не сходя с кресла, разумеется. Не для того он мучился столько лет, изучая заклинания телекинеза и левитации, чтобы лично стоять у брызжущей раскаленным жиром сковороды. Вторая пара невидимых рук тонко нарезала многострадальный сыр и ломала на куски чуть подогретого в духовке рябчика, еще одна – мешала уже нарезанные овощи с горчичным соусом.

– Она была тут, моя Дарочка! – Кресло Тодгера рухнуло на пол неподалеку от кресла учителя, и маг сразу протянул руку за куском рябчика. – Представляешь, какая умница! Сама сообразила, как пройти защиту! И ничего в лаборатории не разбила и не сломала, даже стулья не перевернула! Только вылила на мой письменный стол банку чернил и написала на стене большими буквами: «Позор рабовладельцам!» Тьма, ты не представляешь, Изрельс, какая она принципиальная!

– И где она сейчас, твоя принципиальная? – перевернув вторую отбивную, едким вопросом вернул ученика на землю магистр.

– Не знаю, – задумался тот. – Как выяснилось, мыслит она очень нестандартно. Пока еще не оправдала ни одного моего предположения. И это замечательно, учитель, ты же сам столько раз говорил, что нет ничего хуже для мага, чем влюбиться в простую, предсказуемую и кроткую женщину. Нельзя нам на таких жениться, слишком долго мы живем, чтобы не впасть через некоторое время в уныние или отчаяние от вида покорного и безропотного личика. Нам нужны женщины самостоятельные и умные, озорные и непокорные. Как твоя Летуана.

– Это да, – кисло согласился магистр и припомнил: – Но я вроде запрещал тебе производить при мне ее имя?

– Прости, просто я сейчас немного не в себе, – покаялся Тодгер, с тоской глядя на вырвавшуюся из рук и взмывшую к потолку недоеденную ножку рябчика, – и вспомнил не со зла.

– Понимаю, что не со зла, – хмуро проворчал Изрельс, и кость смачно шлепнулась на стол перед бывшим учеником. – И понимаю, что не в себе. Сейчас пообедаем и будем возвращать тебя в себя.

– Как это? – насторожился Тодгер, но вместо ответа получил слетевшие с полки тарелку и вилку.

– Увидишь, – зловеще буркнул магистр, ставя на стол полное блюдо отбивных, окруженных половинками отварных картофелин, щедро политых маслом и присыпанных зеленью. – Сначала поешь как следует.

* * *

После чаепития чернокожая Туа распахнула ведущую из кухни дверь, и обилие света на миг ослепило принцессу. В просторной прихожей, куда они попали, все было белоснежным. Мрамор пола и колонн, ступени уходящей вверх лестницы и шелк занавесей, обрамляющих высокие окна.

– У! – сообщила Туа и указала на лестницу.

– Угу, – согласилась принцесса и зашагала вслед за учительницей по ступеням.

Как она вскоре убедилась воочию, в этой башне белоснежным было абсолютно все. Кроме нее и Туа.

На втором этаже оказалась гостиная, на третьем и четвертом – удобные спальни с купальнями и балкончиками, полностью закрытыми ажурными решетками. Себе Туа взяла спальню на третьем этаже, а Дарочку отправила на четвертый, очень доходчиво объяснив на пальцах и на белоснежном циферблате огромных напольных часов с выпуклыми цифрами, что отдыхать они будут два часа.

Принцесса с энтузиазмом закивала и бодро потопала в свою комнату, размышляя о том, что жизнь рабыни мага не настолько уж беспросветно черна, как ей показалось сначала.

* * *

– В общем, так, – постановил король, умеющий становиться очень суровым, когда ему перечили. – Готовьте отряд к походу. И как только появится маг – выступайте.

– Куда? – робко заикнулся командир элитных егерей.

– А тебе не все равно, куда? – начал выходить из себя его величество. – Вот куда маг скажет, туда и пойдете. Полагаю, в сторону проклятой пустоши, именно там у нас гнездится все зло. Но пусть он сам вам подробно объяснит.

– Так, может... – командир егерей в последнее время стал слегка нерешительным, – мы сразу и выступим, чтобы время не терять, а он нас догонит и укажет более точное направление?

– Можете ведь соображать, когда захотите, – похвалил король и оглядел из окна расположившихся на плацу воинов, разбавленных яркими нарядами маркитанток. – А как поставите командный шатер, наше величество приедет с проверкой.

– Но ведь это опасно! – ахнула королева, и король неодобрительно на нее покосился: не хватало еще, чтобы она падала в обморок на военном совете.

Отсюда ее уносить некому, паж, как лицо сугубо штатское, в кабинет не допустили.

– Я король, дорогая, и это мой долг!

– Ах! – все-таки упала в обморок королева, и советник поторопился растворить дверь, за которой обнаружился предусмотрительный паж.

– Унесите нервную бабу.

Паж привычно подхватил свою госпожу на руки и потащил прочь, и король, с благодарностью глядя ему вслед, подумал, что, пожалуй, пора представить мальчика к награде. Вон какие плечи накачал на такой трудной должности, форменный камзолчик так и лопается.

* * *

– Ну, рассказывай!

– Что рассказывать? – с опаской осведомился маг, поглядывая на блаженно раскинувшегося в кресле учителя, довольно поглаживающего ухоженную бородку.

Никогда ведь не угадаешь загодя, чего от него ждать. Мало кто знает, отчего некоторые маги зовут себя темными, но ему-то, Тодгеру, это отлично известно. Просто их собственные желания, мечты и способы достижения желаемого до последнего мига остаются скрыты мглой неизвестности для них самих.

– Все, – видя сомнения ученика, подбодрил тот. – С самого начала и поподробнее.

– С какого начала? Как я родился?

– Нет. Не нужно мне таких страстей, несварение будет. Про любовь рассказывай. Как ты решил, что любишь именно Дарелетту, а не красавицу Генриетту и не будущую королеву Анриетту, как за ней ухаживал, как объяснялся в любви? Как сделал предложение, наконец!

– А, это... – Маг расслабился и блаженно вздохнул. – Это было почти два года назад. Примерно на пятый день после того, как я вступил в должность придворного мага. К этому времени я успел получить пятнадцать писем с признаниями в любви и был очень занят расчетами, на которое из них ответить.

– Принцессы тоже писали?

– Ага. Все четыре... тогда я искренне считал, что их именно столько. Ну вот, в тот день пришел главный садовник и сказал – если я срочно не сотворю хороший дождь, то вся ответ-

ственность за неналившиеся вишни и горькие огурцы будет лежать на мне. Сам знаешь, темные маги не любят никакой ответственности, поэтому я немедленно прочел заклинание.

– А нельзя ближе к теме?

– Так куда же еще ближе? Не успел ливень как следует разгуляться, смотрю – бежит. Она. Платице летнее, тонкое, промокло вмиг... Эх! – Тодгер мечтательно облизнулся. – И тут молния, удар грома! А она – на молнию никакого внимания, грома словно не услышала, зато увидела меня! И сразу ринулась напрямик ко мне! У меня внутри моментально словно факел вспыхнул... в сердце.

– Угу, – едко хмыкнул магистр.

– Я руки расставил – поймать... ну, чтобы не поскользнулась... – утонувший в сладких воспоминаниях маг не замечал ехидного блеска зеленых глаз бывшего наставника, – и схватил... а она и не вырывалась. Такая вся мокрая, гибкая, живая... Сразу размахнулась и толстенной книжицей как врежет прямо в нос. И тут снова молния... у меня в мозгу... и я понял – это и есть любовь.

– А потом?

– Потом дурак садовник вылил на меня ведро замоченного на удобрение навоза... ближе ничего с водой не нашел. Думал, мне недостаточно ливня.

– Я помню этот запах, – задумчиво пробормотал магистр.

– Не можешь ты его помнить, я заклинание очищения кастовал и розовым маслом кожу протер.

– Ну да, я не стал тогда спрашивать, где ты достаем такие гадкие духи, думал, сам создаешь. Но сейчас мы не об этом. Рассказывай, как ты объявил принцессе, что влюблен?

– А зачем ей мои объявления? – искренне поразился ученик. – Она же сама все видит! Ты не представляешь, какая Дарочка умница!

– Теперь представляю, – загадочно сообщил маг. – Но давай уточним. Выходит, ты за два года ни разу не рассказал принцессе, как ты ее любишь? Как жить без нее не можешь, как видишь каждую ночь во сне бегущей по заросшему белыми розами лугу, как мечтаешь узреть в свадебном венке и шлейфе, чтобы надеть на ее тонкий пальчик свое неснимаемое кольцо, как...

– Нет, – расстроено вздохнул Тодгер, – ничего такого я не говорил. Я просто старался поддержать ее невидимой рукой, когда она скакала на самом горячем коне, привязывал невидимой лианой к качелям, когда Дарочка поспорила с Анриеттой, кто сильнее раскачается, выращивал ей под ногами ромашки и незабудки, когда она гуляла. Да закреплял туманной пеленой зимними ночами ее ставни, чтобы не стучали и не пропускали холодных сквозняков... ну и еще кое-что по мелочи. Но ты же сам заявлял: главное – это не слова человека, а его дела.

– Это правило не для всех без исключения, – веско объявил магистр. – Оно касается только умных людей вроде темных магов. А вот романтичным девицам чем больше сена в уши натолкаешь, тем больше они верят в твою любовь. Вот посмотри, например, на элитных егерей. Три дня пробыли осенью на учениях в городке, не будем называть его вслух, а через два месяца после передислокации роты – в городке... хм, в том самом городке, эпидемия скороспелых свадеб. А еще через семь месяцев там же – эпидемия преждевременных родов. И младенчики все как на подбор красавцы. Меня вызывали проверить, нет ли какого наговора. Так что ты думаешь, егеря эти три дня, какие там пробыли, лютики сажали или ставни чинили? Ничего подобного, они девушкам про любовь «как океан» и про глаза «как звезды» на ушко нашептывали. Вот и получили полный доступ к... сердцу. У девушек все с доверия начинается. А тебе твоя Дарочка небось ни капли не верит, так как ты не пожелал ей объяснить, как сильно ее любишь.

– Откуда мне было все это знать, – возмутился Тодгер, – если я стараюсь запомнить то, что ты мне говоришь, а не всякую болтовню? Да ты и сам, наверное, никогда Летуане ничего подобного не говоришь, потому вы и ссоритесь через день.

– ТАК! – разъяренно рявкнул магистр, с которого все благодушное настроение слетело в один миг. – Я тебя предупреждал, чтобы сегодня ты не поминал при мне это имя? Два раза, между прочим. Теперь пеняй на себя. Я найду твою Дарочку и не стану отправлять в подарок дугрейскому султану за то, что она осмелилась измываться над темным магом. Но и тебе ее не отдам, пока не исполнишь мое условие.

– Какое?.. – еле слышно прошептал побелевшими губами маг.

– А вот сначала разберусь с ней, потом и объявлю, – мстительно сообщил Изрельс. – Я не люблю принимать непродуманных решений!

* * *

Не успела Дарочка умыться, вернее, перебрать и перенюхать все флакончики, плоские с мылом и баночки с кремами, стоящие в белоснежном шкафчике, как в дверь ванной раздался стук.

Наверное, хозяин вернулся и обнаружил, что черные рабыни не варят кашу, а отдыхают, мигом сообразила Дарочка.

Пришлось срочно бросать увлекательное занятие и выходить. Маг показался ей очень недобрым и крайне неуравновешенным, и злить его было опасно, принцесса это чувствовала незнамо каким местом.

К ее радости, пришел к ней вовсе не хозяин.

– Пей! – В руках черной Туа была крошечная серебряная рюмочка на витой длинной ножке, и принцесса немедленно отрицательно замотала головой.

– У-у! – отступая к умывальне, отчаянно мычала Дарелетта.

Вот про то, что девушки не должны брать из рук людей, в коих не уверены окончательно, никаких рюмок и фужеров и пить какие-либо вина или зелья, ей тысячу раз говорили и маг, и няньки, и солидные гувернантки.

Оставшиеся такими важными и порядочными именно оттого, что свято помнили это правило.

– Девочка, – ехидно усмехнулась Туа, – если бы я хотела тебя отравить, то сыпанула бы чего-нибудь в твой крем, пока ты пилила ножом пирожные. Пей быстрее, пока Изрельса нету дома.

Последние слова оказались тем самым паролем, который заставил мозги принцессы сработать в нужном направлении, а ее ручки – цепко схватить рюмку и без раздумий вылить в рот.

«Вода как вода. Ну и зачем нужно было так спешить?» – еще размышляла Дарочка, а Туа уже дернула ее в сторону кресла, толкнула в него и шлепнулась в другое, напротив.

– Рассказывай.

– Мм? – засомневалась в ее умственных способностях принцесса, но кухарка только нетерпеливо прикрикнула:

– Не мычи, а рассказывай! За что Изрельс тебя сюда притащил?

– Кто такой Изрельс? – заинтересовалась принцесса и озадаченно смолкла, услышав собственную речь.

Как же так, а заклинание? Она же молчать должна! Или это та водичка так действует? Тогда нужно выпросить у служанки флакончик... побольше.

– Изрельс – хозяин этого замка! Темный магистр. Это он назначил меня твоей учительницей.

– А! – поняла Дарочка и заторопилась: – А ты кто? Почему он тобой командует? И как ты сумела снять заклинание? Он же приказал молчать? И дай мне немного этой воды.

– Заклинание я сняла, потому что я тоже магистр – алхимии. – Туа ехидно фыркнула, видимо припоминая что-то свое. – И он мной не командует. Просто я проспорила... – Тут женщина досадливо хмыкнула и сердито уставилась на принцессу. – А ты плохо воспитана, раз вместо того, чтобы ответить на примитивный вопрос, начинаешь задавать кучу встречных.

– Я принцесса, – обиделась Дарочка, – и поэтому никак не могу быть плохо воспитанной! Меня с рождения целый отряд нянек и гувернанток воспитывает.

– Тогда почему ты такая упрямая?

– Это характер такой, в бабушку. Как его ни воспитывай, он все равно проявится – врожденное. – Принцесса решила быть повежливее, наслышана была, кто такие алхимики, а тут еще и целый магистр! – А он меня нагло украл, этот Извергс! У мага. И принес сюда.

– Не может быть, – нахмурилась Туа. – Ты ничего не путаешь?

– Как я могу путать, если сидела на кухне, сыр резала... – неожиданно для себя всхлинула Дарочка, – фрукты кончились, а Тодгер улетел...

– Кто-о улетел? – угрожающе осведомилась Туа, но Дарочка никогда не была боязливой и как-то не верила, что кухарка может причинить ей зло.

– Маг Тодгер. Ну, это наш придворный маг. Он меня у отца купил... за корону и королевский амулет. И принес в свой замок.

– Когда это было?

– Вчера, – честно глядя в бездонно-черные глаза алхимички, кротко сообщила принцесса. – Под вечер.

– А потом? Ну, что было потом?

– Потом я с ним поругалась, сказала, что он рабовладелец, – несчастно призналась пленница, – а рабыни не могут любить своих хозяев... и он ушел. А я сбежала и спряталась. А он... – она снова всхлинула, – разгромил все в павильоне... и улетел. И я пошла на кухню...

– Стоп! Дальше я слышала, – решительно остановила ее коллега по наказанию и вынула из кармана еще один флакон. – Пей! – налив в рюмку, протянула принцессе, и та послушно проглотила.

Ну не спорить же с магистрами?

Затем кухарка налила себе, решительно выпила и, вылив остатки на платочек, небрежными росчерками написала на белоснежной стене несколько слов. И вот ведь как странно: платочек был белоснежный, вода тоже как будто обычная, а на стене мигом начали проступать угольно-черные буквы.

Однако прочесть их Дарочка не успела – женщина крепко схватила ее за руку и шваркнула об мраморный пол очередной флакончик.

Он взорвался осколками стекла, сверкнувшими в свете яркой вспышки бриллиантовыми брызгами, Дарочка зажмурилась, живо представив, как ударят во все стороны острые стеклянные иглы, – и расслышала тихий смех:

– Можешь уже открывать глаза!

– У? – недоверчиво протянула принцесса, приоткрывая немного один глаз.

Обнаружила, что больше вокруг нее нет ничего ни белого, ни черного, изумилась и распахнула оба глаза:

– Ух ты!

Мир вокруг резко стал ярким и многоцветным.

А кроме того, из него исчезли прямые линии и углы. Все.

Круглая комната была заставлена круглыми столиками, мягкими даже на первый взгляд диванчиками и креслами обтекаемой формы, немыслимо изогнутыми полками и вазами. И везде валялись сшитые из самых разнообразных тканей яркие подушечки, изображающие

огромные овощи, сказочных животных, цветы и сердечки. На столиках стояли вазы со всевозможными сладостями и пирожными, и Дарочка поняла, что она попала именно туда, куда мечтала попасть все детство.

В домик к самой доброй из всех сказочных фей.

И сама она, белокожая и пшеничноволосая, уже полулежала на ближайшем диване в ярко-алом халате, затканном золотыми цветами, серебряными птичками и изящными изумрудными виньетками, и смотрела на Дарочку смутно знакомыми карими глазами.

– Ты кто?

– Попробуй угадать, – язвительно буркнула женщина, внимательно разглядывая принцессу, и ее голос Дарочка узнала сразу.

– Туа!

– Нет. Туа я только тогда, когда этот упрямый осел кастует на меня непроницаемую черноту. А в этом виде, и тем более в собственном доме, я – магистр Летуана. А ты очень хорошенькая, даже странно, что он и в самом деле не отнес тебя в дар султану.

– Сволочь, – вспомнив мага, выдала принцесса вовсе не подобающее ей по статусу словечко.

– Кто?

– Магистр Извергс!

– Не скажи. У султана хорошеньким дурочкам райское житье. Кормят сплошными деликатесами и пирожными, одевают как куколок, ухаживают как за жар-птицами, развлекают, артистов и жонглеров нанимают. И попасть туда далеко не так-то просто.

– Но зато там нужно спать! С этим, с султаном!

– С чего ты взяла? У него двенадцать жен, им самим ласки не хватает, а султан уже немолод. Ему гарем скорее для авторитета нужен, у ханов мода такая, чтобы гарем был больше, чем у соседа. Но тебе это уже не грозит. Раз Изрельс сразу туда не отнес, значит, счел сообразительной. А вот я пока не поняла, почему Тодгер не попросил у твоего отца твоей руки как положено. Или он не хотел жениться?

– Хотел, – безнадежно вздохнула принцесса, усаживаясь напротив хозяйки. – Так и сказал, когда пришел в себя, что женится на мне.

– Откуда пришел?

– Из обморока... или это по-другому называется? Я его географическим атласом по носу ударила.

– Когда?

– Два года назад. Мне атлас привезли, толстенный и с картинками, и я в саду спряталась, чтоб вышивать не заставили. Лежу себе на травке, картинки рассматриваю. Денек ясный был, тепло, хорошо, бабочки... И вдруг гром, молния, потемнело в один миг, и как рванет!.. Целый водопад с неба. Я пока до дворца добежала, нитки сухой нет, платье всю облепило. А он стоит на ступеньках, так довольно ухмыляется и разглядывает меня нагло, как букашку под лупой. Даже из приличия глаз не отвел! И тут молния, гром, я даже оглохла, а он еще шире расплылся. Ну я и обозлилась... прямо ладонь зачесалась пощечину отвесить! Вот бегу к нему, а он руки расставил, схватил и к себе, как свою собственность, прижимает! А я ведь принцесса! А позади него слуги на эту картину смотрят! И управляющий! А этот жук всегда и все его величеству папеньке доносит! Ну и въехала магу по роже со всей силы, даже забыла, что в руке атлас. Он и шлепнулся на ступени, а управляющий с перепугу полил его из ведра, чтоб очухался. И тут такой смрад пошел... Оказалось, там у садовников какая-то дрянь киснет, для огурцов. Все смеются, а он встал, грязный, запашистый, и говорит, что женится на мне!

– Любовь с первого взгляда, – вздохнула магистр.

– Ну, Летуана! Какая же это любовь, если он мне за два года ни разу не сказал, что любит! Ни одного букетика не принес, ни одного слова нежного! Про что-то более сложное я и не

говорю, все время только облапить норовит, как кухарку! Меня уже все сестры дразнят, и фрейлины хихикают! А за Генриеттой принц так ухаживал, что даже служанки навзрыд рыдали! А я ведь ничем не хуже ее!

– Ты лучше ее, – уверенно подтвердила Летуана, – даже не сомневайся. Иначе Тодгер уже давно бы про тебя забыл. Времени, чтобы изучить твой характер и недостатки, у него было предостаточно.

– Спасибо, – вспыхнула от удовольствия Дарочка. – Ты очень добра.

– Ничуть, – твердо помотала головой алхимичка. – Я объективна. Раз Тодгер не заметил других принцесс и фрейлин, следовательно, в своем дворце, а может, и во всем королевстве, ты самая хорошенькая и сообразительная. Но это вовсе не значит, будто ты лучше других принцесс из соседних королевств. Тодгер – очень видный жених, он богат и умен, да и характер у него лучше, чем у многих темных магов. И если ты хочешь выйти за него замуж, тебе придется доказать, что ты любишь его по-настоящему. До сих пор ты этого никак не обнаружила.

– Летуана! – Дарочка отказывалась верить собственным ушам и от возмущения даже все слова перезабыла: – Т-ты чт-то эт-то т-такое говоришь! С к-каких эт-то п-пор девушки доказывают, к-как они кого-то люб-бят?

– А, так ты еще и заикаешься! – нахмурилась алхимичка. – Но это я, так и быть, вылечу. А вот насчет того, что девушки не должны доказывать, ты не права! Если супружество подразумевает, что это добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, то почему свою любовь должен доказывать только мужчина? Кстати, Тодгер свою любовь тебе уже почти доказал, только красиво преподнести не сумел, но это недостаток большинства темных магов. Слишком все они реалисты и рационалисты. Хотя Тод очень сообразителен и быстро исправляется. Достаточно намекнуть, и он завалит тебя цветами, подарками и серенадами в исполнении дриад и русалок. А вот тебе придется потрудиться, до сих пор ты изо всех сил успешно делала вид, будто он тебе совершенно безразличен и даже противен.

– Да мне достаточно сказать одно слово, и он будет на седьмом небе от счастья! – вскипела праведным возмущением принцесса.

– Уже нет. Теперь я сама присмотрю, чтобы все было по справедливости.

– Летуана! – потрясенно взывала принцесса. – Я думала, ты за меня!

– Я за справедливость. И за то, чтобы после свадьбы люди не начинали портить друг другу жизнь упреками и претензиями! Ну и, разумеется, я забочусь о Тоде, все-таки он мой младший брат!

– А! – горестно всхлипнула принцесса и вытерла слезы вышитой подушечкой. – Так ты золовка – змеиная головка!

– Пока еще нет. И от тебя зависит, стану я ею или нет.

– Не станешь. Я отказываюсь, мне нипочем ничего не доказать человеку, который относится предвзято. Да тебе саму Святую Элторну приведи, ты и у нее найдешь десяток недостатков! Все, сдаюсь, отправляй меня на кухню к Извергсу... или сразу к султану.

– Ре!

– Дарелетта!

– Ре! Давай разберемся во всем спокойно!

– Спасибо, уже разобрались. Больше не хочу ничего слушать.

– А меня теперь не интересует, – зловеще протянула Летуана, – чего ты хочешь! Меня интересует, чего хочет Тодгер! И еще меня волнует его будущее! Потому что капризная жена может существенно сократить жизнь мага! И он вместо пятисот лет проживет всего триста! А я потом почти двести лет буду жить и мучиться раскаянием, что в свое время не помогла ему избежать ошибки!

– Чего?! – ахнула принцесса и, вцепившись зубами в угол подушечки, замотала головой, мыча, как от боли: – У-у-у...

– Ре?! Ре! Да Дарелетта же! Чего ты воешь?! – Алхимичка некоторое время ошалело смотрела на принцессу, из глаз которой потоком катились слезы, потом спохватилась.

Вскочила с места, метнулась к полкам, раскрыла яркую шкатулку и вернулась к Дарочке с двумя флаконами. Пустым, с широким горлышком и притертой пробкой, и туго завинченным кругленьким, наполненным светящейся серебристым светом жидкостью. Сначала коснулась ее головы именно этим круглым, и едва его цвет сменился на темно-фиолетовый, торопливо поднесла к щекам принцессы пустой флакон.

Она собирала слезинки так скрупулезно, как скряга сметает со стола хлебные крохи: ловила каждую широким горлышком пузырька, плотно прижимая к коже, водила по мокрым щекам, стремясь не потерять ни мельчайшей капельки. А когда измученная принцесса, заинтригованная этой странной деятельностью, совершенно не похожей на заботу о ней, прекратила наконец плакать, Летуана тщательно вытерла ее щеки крохотным кусочком батиста и спрятала его в отдельную коробочку. А фиал с собранной со щек принцессы влагой накрепко закрыла пробкой и убрала в шкатулку.

– З-зачем ты это сделала? – неприязненно осведомилась Дарочка, напоследок обиженно шмыгнув носом.

– Невероятно ценный ингредиент, – довольно сообщила магистр алхимии. – Слезы принцессы-девственницы!

– Какая ты...

– Рациональная, – твердо пояснила Летуана. – К тому же давно доказано: чем больше сочувствуешь и утешаешь – тем дольше человек ревет. А так – и ты быстрее успокоилась, и я с драгоценным сырьем. Ну и почему ты плакала?

– Неужели непонятно? – снова всхлипнула принцесса, и алхимичка мигом метнулась за новым пузырьком.

А вернувшись, устроилась напротив Дарочки с таким заинтересованным видом, что плакать принцессе разом расхотелось.

– Раньше я не знала... нет, не так... думала, это просто сказки, про пятьсот лет! Люди больше ста пятидесяти не живут! А раз ты говоришь... пятьсот... он будет еще молодой... а я старушка... и вокруг молодые магини... не хочу-у-у!... – Слезинка снова повисла на ресницах принцессы, и магистр алхимии ловко сняла ее пробиркой.

– Жаль, маловато, – огорченно вздохнула она, заворачивая пробку, при виде того, как мигом высохли от возмущения глаза принцессы. – Выходит, Тодгер не сказал тебе, что маги проводят для своих жен ритуал разделения жизни и те живут столько же? Значит, не был уверен в твоей любви и боялся, что ты выходишь за него замуж из корысти.

– Ну и дурак! – внезапно вспыхнула негодованием принцесса. – Или совсем уж дурочкой меня посчитал! Это же не корысть, а чистая дурость – подписаться на пятьсот лет жизни с нелюбимым мужчиной!

– А! – понимающе хмыкнула Летуана. – Значит, на это ты бы не польстилась. А про то, что жен магов принимают в академию ковена на отделение алхимии, он тоже не говорил?

– Нет! – сначала рявкнула Дарочка, но сразу же спохватилась: – А при чем тут алхимия?

– Ну, это же понятно! Как только человек становится учеником, сразу начинает получать зелье сохранения жизни, и потому алхимики живут ничуть не меньше магов, даже если не выходят за них замуж. Потому-то алхимиков и больше – все дети магов, у которых нет дара, идут в академию.

– У меня нет способности к алхимии, – вздохнула принцесса. – Ни одна гувернантка не заметила. Никогда я не любила возиться с кремами, пудрами и помадами.

– А гувернантки и не способны такое замечать, – усмехнулась Летуана, задумчиво вертя в пальцах флакончик. – Для алхимии главное – чтобы в голове пусто не было.

– Наш советник говорит, что это главное для любой работы, – не согласилась принцесса. – А мне работать не положено.

– Это было раньше! – резко махнула рукой, словно что-то отрубая, Летуана. – Раз Тодгер тебя купил и ты теперь собственность семьи, отныне на тебя больше не распространяются подобные правила.

– Спасибо! – обиженно шмыгнула носом принцесса, но вспомнила про пробирку и мигом подобралась. – Оказывается, на мою бедную голову свалился не один рабовладелец, а целая семья!

– Не благодари, я пока не решила, как с тобой поступить.

– А магистр Извергс отнять меня у тебя не сможет? – засомневалась Дарочка, совершенно не верившая в способность Летуаны выстоять со своими пузырьками против всемогущего мага.

– Про него и думаю! – сердито рыкнула алхимичка. – Вот если бы ты уже получила от братца брачный браслет, можно было бы тебя записать в академию, ученики алхимиков имеют статус неприкосновенности.

– Ну а толку-то, – презрительно скривилась Дарочка. – Если выучишься и сразу этот статус потеряешь!

– С чего ты взяла? Магистры алхимии магам тем более не подчиняются!

– Да? А почему тогда ты сама на кухне Извергса в черном теле кашу варишь, да еще и говорить не имеешь права? – победно уставилась на нее принцесса, довольная, что вывела алхимичку на чистую воду.

– У меня особая история! – огрызнулась Летуана, и настроение у нее сразу испортилось.

Это Дарочка поняла немедля и втайне очень пожалела, что так сглупила. Нужно было еще немного поплакать, глядишь, за ее слезы сестра Тодгера и рассказала бы еще что-нибудь про свою жизнь.

А главное, про свои планы насчет новоявленной семейной рабыни. Зато теперь придется исправлять свою оплошку, а исправлять испорченные отношения всегда труднее, чем не портить с самого начала, это Дарочка сама изобрела и нашла подтверждение в прочитанных книжках.

– Значит, так... – Магистр алхимии встала с места и начала перебирать разноцветные пузырьки, коробочки и баночки. – Ты – собственность семьи, и отдавать эту собственность я не намерена никому, даже Изверг... тьфу! Изрельсу!

– Летуана... – Принцесса постаралась придать своему голосу ровно столько кротости, сколько требовалось, чтобы упротить отцовского советника принести тайком в ее комнату несколько новых книжек. – А может, не стоит торопиться? Ведь он назначил тебя моей учительницей? Ну и давай ты будешь учить меня варить кашу, а сама потихоньку придумаешь, как поступить?

– Что?! – обернулась та от полки. – Что ты сказала? Впрочем, не повторяй, это у тебя скорее всего неосознанно вылетела здравая мысль, но мне она нравится. Иди за мной!

И она помчалась из комнаты так стремительно, что Дарочке пришлось почти бежать, чтобы не отстать.

Они пересекли светлый зал, уставленный такой же мягкой, округлой и яркой мебелью, и вошли в небольшую комнату, где почетное место занимал ярко-зеленый круглый стол. Вокруг него стояло несколько разноцветных кресел, и хозяйка мимоходом толкнула Дарочку в одно из них:

– Посиди! – А сама занялась непонятным делом: снимала с полок шкафов, стоявших по углам комнаты, шкатулки всех цветов радуги, шарил в них и отставляла в сторону, бурча, что где-то он у нее был...

Мнение принцессы об алхимиках как об очень аккуратных и педантичных существах разваливалось стремительнее, чем песочная крепость на жарком солнце, но она теперь поум-

нела и никак этого не показывала, очень надеясь, что настроение хозяйки от бесплодных поисков не станет еще хуже.

– А! – Торжествующий вскрик алхимички показал, что она все же отыскала нужный ей предмет, и принцесса уставилась на шкатулку во все глаза, ожидая увидеть какой-нибудь флакон особой формы или в крайнем случае драгоценный амулет.

Однако в руках магини был всего-навсего лист пожелтевшей бумаги, и принцесса разочарованно сморщила носик.

– Значит, твое полное имя – Дарелетта?

– Дарелетта Девианна Дэйларния, – гордо отчеканила принцесса. – Нам по одному имени не положено.

– Отлично, так даже надежнее! – непонятно чему обрадовалась Летуана и заскрипела золотым пером с вечными чернилами, незыблемой приметой принадлежности к клану магов или алхимиков. – Сего дня, месяца цветения... иди сюда, не бойся!

И едва Дарочка шагнула к ней, крепко схватила за руку, повернула и уколола пером пальчик.

– Ай! – возмущенно дернулась принцесса, но алхимичка уже прижимала ее пальчик к неведомому документу:

– И скреплено собственной кровью и отпечатком пальца!

– Что скреплено? – не поняла Дарочка, сунув в рот больной пальчик, и тут же получила по руке ощутимый шлепок.

– Начинаем обучение! Правило первое. Никогда не совать в рот пальцы, если к ним прикасался незнакомый или чужой предмет. Никогда не совать в рот пальцы, если находишься в чужом доме! Никогда не совать в рот пальцы, если не уверен в их идеальной чистоте! И последнее! Лучше всего отучиться от этой плохой привычки сразу и вообще никогда не совать в рот пальцы. Потому что у алхимиков это правило номер один!

– И много их у вас, таких жутких правил? – подув на пальчик, мрачно осведомилась Дарочка. – И ты мне на вопрос не ответила.

– Правил ровно двенадцать. Основных. И через неделю ты должна будешь знать их наизусть и уметь дать точное пояснение, почему они непреложны! А подписали мы обоюдный договор, по которому я взяла тебя в ученицы. Мне такое право было двенадцать лет назад пожаловано... за особую заслугу. Вот и пригодился указик-то!

– Чего? – ошарашенно вытаращилась на алхимичку принцесса, забыв даже про пальчик. – К-какая т-такая уч-ченица? А м-меня т-ты спросила?

– Дарочка! Не задавай глупых вопросов, а то буду звать тебя дурочкой! А твоим заиканием мы займемся немедленно!

– Да это у вас семейное – кого-нибудь обзывать! – взорвалась в праведном гневе принцесса. – И заикания у меня никогда не было, пока не попала к вам в рабство! А быть алхимичкой я никогда не хотела, это так нудно – стоять у котла и часами мешать вонючие зелья! Я книжки хотела писать, вот!

– Ну точно дурочка, – усмехнулась Летуана. – И о чем ты можешь написать? О жизни, которую знаешь с чужих слов? Сама-то ведь ты еще ни разу не любила и не теряла, не сгорала от страсти и не таяла от поцелуя, не разбивала нос о чужие предательства и не падала в пучину горя! А чужие чувства – они и есть чужие чувства... Вот выучишься на алхимика, попутешествуешь по королевствам, изведешь сладость любви и горечь измены, заработаешь себе на дворец, обрешь кучу свободного времени, найдешь верных друзей и постоянных врагов, тогда и сядешь у окна и напишешь об этом роман... если еще будешь этого желать. Идем на кухню, там у нас будет первое практическое занятие.

– Какое занятие?

– Алхимическое, разумеется. До прихода Изв... Тьма! Вот привязалось! В общем, до его прихода ты должна уже приступить к обучению. Не отставай!

Кухня алхимички оказалась еще более светлая, яркая и разноцветная, чем гостиная, хотя Дарочка наивно считала, что это уже невозможно.

У одной стены стояла печь, расписанная такими затейливыми узорами, что хотелось гулять вокруг и рассматривать, рассматривать, рассматривать...

Вдоль остальных стен тянулись разноцветные полки, заставленные всяческой посудой. И большая часть ее была не пустой. Блюда с фруктами и овощами всех видов и цветов, прозрачные банки и кувшины с вареньями, соками и настойками, миски и тески с ягодой, орехами и пряными плодами. С потолка свешивались связки янтарного и фиолетового лука, алого и зеленого перца, белого и синего чеснока. По углам и на лавках стояли корзины и плетенки с морковью и кабачками, томатами и баклажанами, капустой всех разновидностей и совершенно неизвестными Дарочке овощами.

– Иди сюда!

Легкие занавеси на окне цвели диковинными цветами, под ними уютно примостился вместительный овальный стол, и на нем обнаружился полный набор горячо обожаемых принцессой предметов. Чайный сервиз, расписанный разнообразными бабочками, несколько ваз с конфетами, засахаренными орешками и печеньем, сахарницы с кусочками белого и разноцветного сахара и трехъярусное блюдо с пирожными.

– Садись, начнем с самого простого. – Подтолкнув ученицу к стулу, Летуана налила в чашечку перед ней горячей воды из чайника. – Положи сахар и мешай.

Дарочка хотела взять малиновый сахар, но хозяйка ловко подсунула сахарницу с обычным.

– Я же сказала – с самого простого! Помешала? Теперь скажи, что у тебя получилось?

– Сладкая вода, – хмуро буркнула принцесса, начиная подозревать, что алхимичка принимает ее за трехлетнюю глупышку.

– Неверно. У тебя получился пятипроцентный раствор сахара.

– Где? – неверяще разглядывала воду принцесса. – Не вижу!

– Ты сахар в воде растворила?

– Ну да.

– Значит, получился водный раствор сахара. Все кусочки сахара в этой сахарнице – по пять гран, а в чашке воды было около ста гран. Значит, раствор получился пятипроцентный. Поняла?

– А если я положу два куса? – Принцесса сопровождала свои слова действием. – Что получится?

– Снова раствор сахара, но уже десятипроцентный.

– Летуана! – раздался из-под потолка грозный голос темного мага. – Кто тебе позволил уйти из замка?

– Я на время разрываю наш договор, – небрежно отмахнулась алхимичка. – У меня появилось очень важное дело!

– Какое? – Изрельс появился в стоящем у окна кресле и едко уставился на сосредоточенно болтающую ложечкой в чашке принцессу. – Пирожные жевать?

– Нет. – Летуана забрала у Дарочки чашку, поставила вторую и снова налила воду. – А теперь насыпай соль и мешай. В чайной ложечке ровно пять гран. Что получится?

– Раствор, – сообразительно сообщила принцесса, избегая поднимать взгляд на хищное лицо темного мага, – соли. Снова пятипроцентный.

– Молодец. Я в тебе не ошиблась, – важно похвалила Летуана. – Значит, первый вывод: если мы растворяем в какой-либо жидкости какое-либо растворимое вещество, получается раствор.

– А как узнать, – заподозрила подвох принцесса, – какое вещество растворимое?
– Просто заучить список. Сначала – простейших ингредиентов, затем – более сложных.
– Летуана! – начиная свирепеть, рыкнул маг. – Прекрати представление! И немедленно отправляйся на кухню!

– Это ты прекрати тут шуметь, не видишь – у нас урок?

– Какой еще урок? Это моя рабыня, и ты должна учить ее варить кашу!

– Нет, это бывшая рабыня Тодгера, а значит, нашей семьи. И по всем темным законам ты не имел никакого права отбирать у нашего семейства законную добычу, если не желал, конечно, чтобы мы объявили тебе войну! Но теперь ее статус изменился. Я воспользовалась правом, дарованным мне директором алхимической академии, и вписала имя Дарелетты в пожалованный мне указ. Теперь она – моя законная ученица, и на все время ее обучения расплату по тому спору я прерываю. Таков закон.

– Что?!

В голосе мага появились такие странные интонации, что Дарочка не удержалась и скосила на него глаза, проверить, убивать их он сейчас начнет или заплачет?

Но он не заплакал.

И даже никого не убил и ничего не разбил. Просто прорычал такое замысловатое словосочетание, каких элитные егеря, по утрам бегающие нестройной толпой вокруг дворца, явно не знали. Потому как если бы знали, то обязательно бы выкрикивали, когда в конце пробежки командир собственноручно выливал на каждого ведро колодезной воды.

В этом Дарочка была убеждена. Все, что они кричали, она слышала не по одному разу и давно запомнила наизусть, окна ее любимой башни выходили как раз на тот самый колодец.

«Да и то посудить, – здравомысляще вздохнула бывшая принцесса, – откуда простым егерям взять такие мудреные слова? Они ведь магических академий не кончали». А кто знает, чем тренируют память юные маги, может, как раз такими вот труднопроизносимыми и малопонятными предложениями.

Летуана ответила на этот шедевр словесного искусства очень емко и коротко:

– Вон!

– Пожалеешь! – прошипел маг, махнул рукой и исчез, хотя Дарочка поняла это не сразу.

Просто от взмаха Извергса все разом стало угольно-черным: и стены, и мебель, и даже они с алхимичкой. Может, и он где-то тут притаился, с сомнением оглядывалась Дарочка, пока Летуана, тихо всхлипывая, шарила в совершенно черных ящичках.

– Свинья, – коротко и ясно выругалась она наконец, села на стул и заплакала навзрыд.

– Летуана! – Дарочка оглянулась, поняла, что воды она сейчас найти не сможет, просто обняла учительницу за голову и начала гладить по черным волосам. – Успокойся. Найдешь свое зелье, и снова все будет веселым. А на него можно пожаловаться... есть же у вас, у магов, куда жаловаться?

– Ну, есть, а что толку? – обиженно всхлипнула алхимичка. – Если семейные споры они не решают!

– А при чем тут семья? – не поняла ученица.

– Так ведь муж он мне, гад этот! – зло прорыдала Летуана.

– Что?.. Как?! – Дарочка так и села – чуть не угодила мимо стула, в последний момент спохватилась.

Да и как тут угадать, когда все вокруг черное, как сажа?

– Очень просто, – шмыгнула носом Летуана. – Люблю я его. Потому и вышла замуж.

– А он тебя любит? – недоверчиво прищурилась принцесса, совершенно не так представлявшая себе любовь, и даже пояснила это черным глазам, недоуменно поблескивающим на черном лице: – Ты же сама говорила – стоит намекнуть любящему мужчине, и все будет красиво: серенады, букеты, салюты и нежные слова. Почему же ты не намекнула?!

– Но это действует только на ухажеров, – вытирая слезы, небрежно буркнула алхимичка.

– Как это? – потрясенно уставилась на нее принцесса, и если бы уже не сидела на стуле, то упала бы снова. – Значит, пока ты ему ничего не позволяешь, ни ручку целовать, ни коленку гладить, он на все готов – и на цветы, и на лодку в бассейне? А как только выйдешь замуж и разрешишь целоваться, сколько ему хочется, он больше не будет ничего этого делать? Ни цветы носить, ни салюты палить?

– Ну, так уж устроено, – меланхолично отозвалась Летуана. – Все, когда женятся, перестают дарить букеты и говорить нежные слова. Вот какие слова говорит твой батюшка матушке? А когда-то ради нее победил на трех турнирах!

– Он говорит... – припомнила Дарочка, – «унесите нервную бабу»... Что-о-о?! Летуана! Это значит, и про меня Тодгер будет так говорить? Ну уж нет! Вот как чувствовала я, какой-то подвох с этим замужеством! Сначала на турнирах побеждают и на лодках катают, а потом говорят «нервная баба» и превращают в черных рабынь! И как ты такое терпишь? А показала мне такой смелой! Нет, мне подобного счастья не нужно! Теперь я знаю, как проверить воздыхателя! И вовсе не букетами, раз все мужчины знают про этот хитрый ход! Нужно тайное испытание... и такое я вполне могу придумать!

– Думай, – мстительно дозволила магиня, стирая злые слезы. – А я тебе помогу. Как учительница. И засчитаю за практику в мелких каверзах и подвохах. Но сначала верну дому прежний вид и поставлю особую защиту. Раз он так... то и я так! Война – значит, война!

С этим воинственным настроением хозяйка пробормотала не менее непроизносимое словосочетание, чем ее рассвирепевший муж, и черная краска на стенах и вещах начала постепенно тускнеть, словно выгорая.

– Как хорошо, – запрыгала от счастья Дарочка, рассмотрев, как проявляются из тьмы разноцветные картинки, занавески, стол и посуда. – А почему ты раньше так не делала?

– Каждый маг, особенно такой слабый, как я, должен беречь свою силу, – наставительно произнесла Летуана, вставая со стула и начиная перебирать ящички. – Где же он был?.. А, вот! Сейчас мы с тобой отправимся в Айгорру, столицу владений темных магов, в салон мадам Трюне. Ничто так не поднимает мне настроение, как ее услуги. Правда, раньше еще был Изрельс... – Магиня несчастно всхлипнула и резко захлопнула дверцу. – Вот оно! Иди сюда, дай руку... вперед!

* * *

– Теперь я понимаю, – расслабленно объявила Дарочка через три часа, наблюдая, как молчаливая черная рабыня мягкой кисточкой полирует ей ногти на ногах, – почему ты сюда пришла! Даже наши королевские банщицы не умеют так мягко разминать спинку. Но вот бочка с синим супом мне не понравилась!

– Ты не права, это очень полезная вещь, синие водоросли Сизайского моря. Они могут съесть человека живьем, если он выпадет за борт судна или свалится с летучего плота и его никто вовремя не спасет. А вот за пять минут успевают всего лишь сжевать на теле лишние волосы и всякие мозоли, потому-то под крышкой есть немного места для головы. Ты ведь не желала бы лишиться своей чудесной прически?

– Летуана, – задумчиво прищурилась Дарочка, – а для мужчин таких салонов не бывает?

– Почему же. Во второй половине этого дома держит мужской салон господин Трюне, муж мадам. А почему ты спросила?

– Я, кажется, изобрела первое наказание для коварных магов, – хищно усмехнулась ученица темной алхимички. – Ты вроде говорила, будто ваша семья богата? Значит, сможешь достать пару бочек такого синенького супчика?

– Очень просто, – сообразительно прищурилась Летуана, – но о тонкостях поговорим в другом месте. Мадам Трюне! Нашу одежду!

– Сию минуту, госпожа магистр! И кстати, если вас интересуют синие водоросли, я могу продать сколько угодно по сходной цене.

– А почему ты так легко делишься такой редкостью, хотела бы я знать? – небрежно осведомилась магиня, словно невзначай помахивая перед носом мадам Трюне своим душистым батистовым платочком.

– Так ведь они же растут, – хитренько хихикнув, сообщила хозяйка салона, сама не понимая, с чего это так охотно выкладывает посетительницам свой главный секрет. – Хорошо едят, вот и разрастаются, приходится отдавать хозяину бойни по пять медяков за бочку. Он ими кур и уток очищает.

– Вот как, – задумалась Летуана. – А почему тогда он сам их не разведет? Ведь они растут!

– Так ведь в этом и вся соль! – воскликнула мадам и засияла счастливой усмешкой. – Он добавляет простую воду, а они привыкли к соленой!

* * *

– Хотел бы я знать, – буркнул Тодгер, отстраненно наблюдая, как Изрельс создает иссиня-черных доппельгангеров его сестры и ставит их в строй у дальней стенки, – чем тебя так обоблила Ле... хм, твоя жена?

– Узнаешь, – свирепо пообещал Изрельс, отдавая первый приказ шеренге черных женщин, одетых в жгуче-черные строгие платья и белоснежные переднички горничных.

С полчаса Тодгер скучающе наблюдал, как вся эта толпа синхронно бежит, прыгает, приседает в реверансах и покорно кланяется, трет невидимыми тряпками стены и пол и накрывает на стол. На учителя он не смотрел. Никакого интереса унылое лицо старшего магистра, с каждой минутой делавшееся все более ожесточенным и одновременно несчастным, не представляло.

– Если ты сейчас заставишь их раздеться и отнести тебя в бассейн, – бесстрастно заметил придворный маг, когда шеренга приторно покорных доппелей начала извиваться в танце, смутно похожем на ритуальные пляски хальгарок, – я начну подумывать об усмирителе. Самому тебе, похоже, уже не справиться.

– Ты ничего не понимаешь! – разъяренно прорычал магистр. – Я провожу эксперимент! Чем мы, маги, отличаемся от обычных людей?

– Открой том первый большой магической энциклопедии и прочти. Там этому посвящено сто семьдесят первых страниц. – Тодгер взял со стола бокал и осторожно пригубил вино. – А причинам появления у темных магов приступов немотивированной ярости и способам избавления от них посвящен весь третий том.

– Тодгер! Не зли меня!

– А это мне и не под силу, – невозмутимо сообщил ученик. – Ты уже в том состоянии, когда разозлить тебя сильнее просто невозможно, я тебя за эти годы хорошо изучил.

– Я всегда говорил, что ты готов учить всякие глупости вместо обязательных для темного мага заклинаний! – Разъяренное шипение магистра напомнило ученику свирепые звуки, какие издают при нападении атакующие скальные горгульи.

– Ну так ты выяснил, чем отличаешься от бездарных людей? – сразу вспомнил Тодгер самое лучшее правило, как избежать немедленного и совершенно незаслуженного наказания.

– Всем! – с мрачным превосходством объявил магистр. – Когда от одного из фермеров, продающих мне мясо, сбежала с бродячим фокусником жена, я создал ему ее доппельгангера, и он до сих пор каждый раз горячо благодарит меня при встрече.

– Ну еще бы, – презрительно фыркнул Тодгер. – Если бы ты создал пяток допделей хальгарок для отряда наемников, они бы бесплатно добыли тебе горгульи слезы. Мы, маги, в этом отношении совершенно иные создания. Кстати, а что ты взял с фермера?

– Ничего, – магистр хитро прищурился, – но он сам таскает мне мясо и гусей за пополнение амулета стабильности. Без него, как сам знаешь, допдели у меня развоплощаются через сутки.

– Понятно, – хмыкнул ученик и скучающе покосился на исправно отплясывающих двойников Летуаны. – Тогда я пойду, попытаюсь придумать, как найти Дарочку. Вернусь завтра в это время.

– Сидеть! – грозно рыкнул магистр и одним щелчком тонких нервных пальцев убрал допельгангеров. – Я знаю, где она. Но тебе туда соваться бесполезно... оттуда и меня выгнали.

– Где?! – так и подпрыгнул Тодгер. – Говори же!

– Сначала свяжу тебя «недвижимостью». – Изрельс невозмутимо сопровождал свои слова движениями гибких рук. – Вот так. И не пытайся возмущаться, иначе еще и голоса лишу. Так вот, твоя рабыня – у твоей сестры. Она ее забрала как семейную добычу и приняла в ученицы.

– Но как она ее нашла? – изумился Тодгер и подозрительно уставился на учителя: – Изр! Ты что-то недоговариваешь! Летуана никогда раньше не совалась в мои дела! Без спроса. И никогда бы не забрала мою принцессу!

– Ну да, – мрачно проскрипел маг и нехотя признался: – Сначала я ее забрал. Хотел немножко научить покорности... для твоего же блага, учти! Ты ведь из-за нее все дела забросил, новые заклинания не учишь, о самосовершенствовании не думаешь!

– О-о-о... – горько простонал Тодгер. – Да какое, к демонам, самосовершенство! А кто, кстати, разрешил Летуане брать ученицу? Ведь она же всегда говорила, что терпеть не может учеников!

– Был у нее указ, давно валялся, я думал, уже потеряла. За особые заслуги от директора академии полученный. Вот его она и активировала. И теперь я не имею никакого права вмешиваться в ее дела. Как ты знаешь, маг или алхимик, которому дозволено взять ученика, обладает полной свободой в выборе методов и неприкосновенностью на все время обучения.

– Что? – Несколько мгновений Тодгер ошеломленно смотрел на мрачно кривящего красивые губы учителя, все сильнее постигая степень свалившегося на него несчастья.

А затем разразился гневной тирадой, в которой не было ничего вразумительного, одни образные выражения. Королевские егеря отдали бы месячное жалованье за каждое, чтобы иметь возможность повторять их по утру командиру у колодца. Тот определенно проникся бы. А вот Изрельс слушал, презрительно ухмыляясь и держа наготове сложенные щепотью пальцы, чтобы немедленно усыпить ученика, если тот попытается выпутаться из «недвижимости».

Однако тот не попытался. Он вдруг смолк, задумчиво оглядел учителя, кухню и едко улыбнулся. Потом хихикнул, раз, другой, а через пяток секунд хохотал так, словно попал в академию на урок первокурсников, когда те пробуют впервые самолично сваренное зелье иллюзии. Через минуту с него спала «недвижимость». Как всем известно, в каждом темном заклинании заложено противодействие, и смех был именно тем ключиком, какой чаще всего использовал Изрельс. Истинный смех, разумеется, и вот это взбесило магистра сильнее всего. Даже тупица не мог бы не понять, что лучший ученик так заливисто хохочет сейчас именно над бывшим учителем, а темный маг тупицей вовсе не был.

Потому и не сумел стерпеть, хотя еще минуту назад был уверен в своей способности держать чувства под контролем! Но теперь просто взорвался фонтаном выражений, за какие егеря не раздумывая отвалили бы по три жалованья, а затем попытался набросить на ученика усиленную связку сразу из трех заклинаний – недвижимости, покорности и молчания, совершенно выпустив в горячке из виду, что сам же когда-то учил Тодгера ставить против нее щиты.

Тот и ее кастовал, причем с легкостью и изяществом, за какие несколько лет назад учитель, несомненно, поставил бы ему четверку. Пятерку он никогда не ставил ни одному из учеников, объяснив однажды Тоду под благодушное настроение, что и сам не знает всего на пять.

Щитом ученик не ограничился, он закрыл себя еще и сферой непроницаемости, мгновением раньше бросив в дальнюю стену горсть выхваченных из кармана шариков хаоса. Изрельс рассмотрел этот жест и даже успел послать вслед подлым снарядам «сжигание», но в том-то и была их особенность – эти шары никогда не летели туда, куда должны были по законам обычной физики. Едва соприкоснувшись с какой-либо поверхностью, шарики отскакивали в самом непредсказуемом направлении, одновременно увеличиваясь в размерах, так действовала на них сила удара.

Прорывав последнее, самое мозголомное проклятие, Изрельс тоже накрыл себя сферой и несколько минут угрюмо наблюдал через ее прозрачные стенки, как подросшие и приобретшие металлический блеск шары размером с пушечное ядро яростно крушат стены его прекрасной белоснежной гостиной, куда он самолично так легкомысленно притащил шурина. Посланный им самим огонь в это время весело дожирал шелковые занавеси с тончайшей вышивкой и мебель из драгоценного снежного дерева, но снимать сферу и попытаться спасти хоть что-нибудь из ценнейшей утвари магистр и не подумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.